

ЕВГЕНИЙ СКОБЛИКОВ

МОЙ ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК

ОТКРОВЕННО, БЕЗ ФАЛЬШИ И ЛЖИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Скобликов

Мой тюремный дневник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70300939

SelfPub; 2024

Аннотация

Богиню правосудия Фемиду изображают, как правило, в виде золотой статуэтки юной, прелестной девы с завязанными глазами, которая держит в одной руке весы, а в другой меч, сама же она опирается ножкой на свод законов, к которому прижимает голову змеи. Но те, которые ваяют её такой, представляют богиню беззакония: она слишком юна, чтобы быть мудрой и много знать, а повязка на глазах для того, чтобы она не видела, что кладут участники процесса на чаши её весов, правду или ложь – недаром же она своей ножкой попирает свод законов, который, кстати лежит корешком вперёд, т.е. закрыт. А сама она сделана из золота или позолоченная, что говорит о её продажности. Моя книга – именно о такой Фемиде, Фемиде беззакония, о том, как долго держали в тюрьме, чтобы признал вину, но всё равно осудили при полном отсутствии доказательств на 6 лет лишения свободы. И о том, как учёному выстоять, не сломаться, не потерять себя среди уголовного сброда. А отсидев, добиться отмены приговора и полной реабилитации.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	17
Арест и следствие, тюрьма 1996–1997 год	51 93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Евгений Скобликов

Мой тюремный дневник

Предисловие

Богиню правосудия Фемиду изображают, как правило, в виде золотой статуэтки юной, прелестной девы с завязанными глазами, которая держит в одной руке весы, а в другой меч, сама же она опирается ножкой на свод законов, к которому прижимает голову змеи. Но те, которые ваяют её такой, представляют богиню беззакония: она слишком юна, чтобы быть мудрой и много знать, а повязка на глазах для того, чтобы она не видела, что кладут участники процесса на чаши её весов, правду или ложь. Сама она сделана из золота или позолоченная, что говорит о её продажности – недаром же она своей ножкой подпирает свод законов, который, кстати лежит корешком вперёд, т. е. закрыт.

Моя книга – именно о такой Фемиде, Фемиде беззакония. А само правосудие начинается с чего? Со следствия. Но чтобы Фемиде было удобно – а вовсе не для установления истины – человека помещает в тюрьму, которую называют следственный изолятор. Вот как же точно, ёмко назвали это учреждение: изолятор! – чтобы изолировать посаженного туда от всякой возможности положить на чаши весов правду. Предугадываю замечание, ну есть же адвокаты! Да, есть, а в моём деле их было несколько, но они, увы, точно также олицетворяли такую Фемиду, которой надо сначала позолотить ручку. А у меня, выставленного вором и мошенником, не было денег, чтобы золотить их ручки! Поэтому в моём деле она равнодушно, а может и с участием смотрела как на чаши ве-

сов правосудия накладывают одну ложь за другой...

И сразу хочу ответить на неминуемый вопрос: а нужна ли ещё одна книга, если детальное и в разных вариациях описание тюремных мытарств людей, попавших в заключение, можно встретить во многих книгах? На этом же, собственно, и построено детективное чтиво, начиная от Графа Монте-Кристо и достаточно свежее описание пребывания в американских застенках Марии Бутиной. И вообще – таких книг просто разлитое море! Читай – не хочу. Нет-нет, этим я вовсе не хочу принизить пользу издания уголовно-детективной литературы. И хотя почти все из них описывают события, как это можно определить, как "свободный полёт фантазии", почему бы их не издавать, если они позволяют неплохо отдохнуть? Надо только честно предупреждать читателя, сопровождая своё произведение надписью на обложке: «Описываемые события не имеют ничего общего с реальной действительностью». Я до того, как оказаться в тюремных застенках, такие книги тоже читал, а также с удовольствием смотрел детективные фильмы и сериалы. Всегда же интересно следить за судьбами героев и перипетиями сюжетов следствия и судебных разбирательств, сидя на диване. А вот таких, чтобы там были воспоминания учёных и предпринимателей, которые так же, как и я, были бы подвергнуты незаконному уголовному преследованию (и даже законному!), я не обнаружил, просмотрев в интернете рекламируемый список тюремной литературы. Допускаю, что вполне возможно,

я что-то пропустил – ну что же, если найдётся такой вьедливый читатель, то пусть сообщит, я немедленноотреагирую. Тогда в чём отличие моей повести от них? В том, что если детективно-тюремные романы сочиняют писатели, не будучи ни следователем, ни судьёй, ни адвокатом, и не пробыли за решёткой ни дня, то здесь читатель прочтёт дневник учёного, в котором детально описаны все его злоключения на всём протяжении заключения. Но если шок, глубочайшее эмоциональное потрясение и психологическое давление, которое я испытал на деле, вас затронет при прочтении книги, а главное, если вы сумеете соотнести мои переживания со своим характером и своей пока безмятежной жизнью, значит я не зря подготовил дневник для публикации.

То, что каждый человек может очутиться в тюрьме, не секрет – это знает каждый. И если вы туда ещё не попали, то, как любят говорить уголовные преследователи: «Это не ваша заслуга, а наша недоработка!». Но шутка шуткой, а недоработкой чаще всего является то, что в тюрьму попадают не только преступные элементы, но и те, в ком ни природа, ни воспитание не заложили криминальные наклонности. И это при том, что в уголовном кодексе очень чётко прописано, что уголовное преследование и наказание должны вестись с учётом личности подозреваемого – слова «личность», «личности» 21 раз упоминается в тексте УК РСФСР, который действовал на момент предъявления мне обвинения. Конечно, читатель вправе засомневаться, что я раньше никого не об-

манывал, не брал тайком чужие вещи и не присваивал деньги, но следователь и прокурор, прежде чем выдавать ордер на арест, обязаны были это проверить и документально зафиксировать.

Но это всё лирика, общие слова.

Итак, я был арестован в апреле 1996 года, а вышел на свободу в августе 2000 года. И прочтя это, у читателей может сразу возникнуть вопрос: а стоило ли мне ворошить прошлое по прошествии более четверти века? Ведь сегодня в России действует верховенство права, а рыночная демократия предоставила всем личные свободы, не то, что при советской власти! Но не торопитесь с выводами, господа-товарищи, юноши и девушки, да и всякий зрелый гражданин новой России – всё в основном то же самое, что было в царской России. Да-да, это описали, Горький в романе «Тюрьма», Лев Толстой в романе «Воскресение» и Достоевский «Записки из мёртвого дома», две книги из которых я прочитал уже в тюрьме. Да и при советской власти тюремные порядки, увы, остались практически теми же, что и при царе – сами прочтёте, даже лжец с соответствующей фамилией Солже-ницин тут не соврал. Но и в так называемых демократических странах соблюдение прав заключённых ничем особо не отличается от содержания в наших местах заключения – читается на одном дыхании «Тюремный дневник» Бутиной. Но вы, надеюсь, будете читать это на воле – я же для вас пишу: не попадитесь! Плохо там, очень.

Вот с чем вы столкнётесь, когда вас арестуют? Совсем не с тем, что нам показывают ежедневно в беспрерывно сменяющихся друг друга детективах и сериалах, в которых прекрасные актёры в ролях честных оперов, мудрых следователей, неподкупных прокуроров и судей быстро, чуть ли ни в один день, расследуют сложнейшие преступления, вычисляют злодеев и те получают заслуженное наказание. Но если это допустимо для компьютерных игр, где у преступника много жизней, то в реальной жизни следователь никогда не отправляется по адресам собирать доказательства и опрашивать потерпевших, свидетелей и подозреваемых, т. к. он всегда должен вести допрос у себя в кабинете, ибо просто не имеет права проводить их без оформления протокола. И любое уголовное дело длится не день, не неделю – многие месяцы, а порой и годы, тогда как подозреваемый сидит в тюрьме. Вот реальный пример: пацифистка А. Скочиленко пробыла в СИЗО 1,5 года, хотя там абсолютно нечего было расследовать: она призналась, что заменила в супермаркете 5 ценников на призывы к прекращению СВО. И я половину отбытого срока просидел в СИЗО. Но почему я, как и другие писатели, приравниваю пребывание в СИЗО к тюремному, а следственный изолятор называю тюрьмой? Просто тюрьма в обыденном представлении есть собирательный образ для мест лишения свободы, но мало кто знает, что на самом деле пребывание в СИЗО является куда более жёстким наказанием, чем тюремное заключение. Откуда это я знаю? Мои сока-

мерники, которые прошли через тюрьму, все как один говорили – там лучше, хотя бы потому, что заключённый может выбирать с кем отбывать срок, его не могут беспричинно переводить из камеры в камеру, и т. д. . . . Но дело даже не в этом. В тюрьме сидят осужденные, т. е. признанные преступниками судом и потому они несут уже назначенное наказание. В СИЗО же, хотя ты ещё по закону не преступник, более того, до окончания следствия ещё и обвинение не предъявили, к тебе сразу применяют самые жёсткие меры по ограничению свободы и создают такие условия содержания, чтобы максимально ослабить волю к защите. Вот чтобы не выходить за рамки обыденных представлений, в моей повести СИЗО и названо тюрьмой.

Впрочем, прочесть повесть будет полезно и тем, кто ведёт и не слишком праведную жизнь и уже внутренне готов к заключению – там вы обнаружите совсем не то, что показывают в сериалах: чтобы сломать человека, не нужно никаких пресс-хат, само нахождение что в тюрьме, что в колонии сделают своё чёрное дело одной обстановкой жизни там. У известного российского шансонье Ивана Кучина, который провёл в заключении около 12 лет, припев одной из своих песен содержит вопрос: «*Что страшнее все же, смерть или тюрьма?*». В ней нет на него ответа, но для меня тюрьма была смертью всей моей прежней жизни, планам, возможности творить и потерей семьи – из заключения ты выходишь совсем другим человеком. Некоторые – законченными него-

дьями, и снова возвращаются туда. А Кучин, который был вором, на воле стал популярным бардом. И я по выходе из колонии был уже не тем романтическим рыночником, что до ареста. Я перестал стараться для людей и стал выполнять только ту работу, которые обеспечивали мне сносное существование и возможность заниматься наукой, чтобы публиковать статьи и книги по экономике.

Хотелось также донести до читателя, что романтизация кодекса морали, чести и солидарности тюремного мира не имеет ничего общего с тем, с чем реально встречаешься в заключении. Например, меня сильно избили в камере, хотя по уголовным понятиям старых зэков, даже если они виноваты, вообще нельзя наказывать физически. Но на практике мне предъявляли претензии, что это я поступил против понятий, а не расправившиеся со мной отморозки, т. к. по неопытности искал защиты у администрации, что потом обернулось негативным отношением ко мне до конца срока. С другой стороны, мне там не довелось наблюдать и часто живописуемых по ТВ жестоких расправ в пресс-хатах – в тюрьме всё достаточно буднично, там главный фактор наказания – время, бесконечно долго текущее, без видимого движения по твоему делу, которое ты ускорить никак не можешь.

Те читатели, которые в дневнике прочтут про то, как часто у меня были сердечные приступы, простуды и прочие проблемы со здоровьем, могут засомневаться в том, что заключение сильно подорвало моё здоровье, если я описываю

это через 25 лет, пребывая уже в довольно преклонном возрасте. Значит, там было не так уж и плохо? Опровергать с пеной у рта не стану, просто сошлюсь на примеры долголетия жизни известных людей. Например, философ и вольнодумец Вольтер с юности страдал многими заболеваниями, но прожил почти 84 года. Он придерживался принципа, что труд должен доставлять наслаждение: *"только работа избавляет нас от трех великих зол: скуки, порока и нужды"*, а также считал, что её надо сочетать с физическими упражнениями. Так и я неукоснительно следовал этим принципам: никогда не пил, не курил, с юношеского возраста занимался то гимнастикой, то велосипедом, то лыжами и коньками, то настольным теннисом и туризмом. И даже когда держал в тюрьме 13-ти дневную голодовку, каждый день делал зарядку. Творчество – вот главное условия долголетия. Томас Кампанелла тоже дожил до почтенного возраста, хотя в тюрьмах пробыл не в пример мне дольше – 27 лет и вынес жесточайшие пытки на дыбе, потому что он, движимый идеями улучшить мир, даже находясь в нечеловеческих условиях, искал и находил возможности творить. Так ведь и у меня основные идеи по реформирования денежного обращения зародились в тюрьме, именно оттуда я написал статью о законах финансовых пирамид, писал письма и обращения председателю Центрального банка Геращенко и другим руководителям страны. И сейчас, несмотря на возраст, продолжаю работать – продвигаю свою теорию денег в научную среду,

выступаю с докладами на конференциях и форумах, публикую статьи, веду свой блог...

На возможности заниматься работой и творчеством после освобождения повлияло и то, что вместе со свободой я получил возможность вовремя получать нужную медицинскую помощь, и в итоге стал как дедушка-трансформер: в центральной вене у меня стоит кавафилтёр, кардиостимулятор регулирует ритм сердца, а вставная челюсть позволяет жевать. Я перенёс 10 хирургических операций, и только 2 из них пришлись на дотюремные годы. Ковидом я дважды переболел вместе с женой, но в лёгкой форме, потому что делали всё возможное для укрепления естественного иммунитета. Но, конечно, старение организма идёт неотвратимо. И если я раньше ежедневно проходил 8–10 км в день, мог отжиматься и приседать, то теперь уже хорошо, если осилю половину прежней дистанции, а от силовых упражнений давно пришлось отказаться. Вы когда-нибудь испытали, как из вас вытекает ручьём кровь? Я такое пережил – два года тому назад к утру резко подскочило давление и из носа стала хлыстать кровь. Скорая, больница – кровотечение остановили. Но не устранили полностью, чуть что не так, снова кровит из носа, хотя не так сильно. Усталость, скачущее давление, неровный сон тоже не дают возможности трудиться так как раньше. А сколько у меня планов! Главное, успеть бы основное – издать учебник по теории денег, предложить миру свою теорию роста...

И последнее, но очень важное замечание: повесть написана спустя более четверти века после описываемых событий. Все его участники выведены под своими настоящими именами и фамилиями, но я нисколько не опасаясь встреч ни с бывшими сокамерниками, ни с потерпевшими. Когда меня судили, в зале висела тяжкая атмосфера ненависти, которая разряжалась проклятиями в мой адрес, когда меня выводили из зала суда по окончании каждого заседания. Но ведь не один из них не встретил меня где-то в тёмном переулке и не приставил нож к горлу: «Верни мои деньги, мошенник!». Вероятно, поняли, что для того, чтобы не стать потерпевшими, именно они должны были требовать не сажать меня в тюрьму. Да и я вряд ли кого из них узнаю при встрече, всё настолько забылось и стёрлось из памяти, что сам с интересом читал свой дневник. Знаю также, что ещё живы некоторые из тех, кто приложил руку к тому, чтобы усугубить мои тюремные заключения. Но пусть им Бог будет судия и своя совесть. Я не интересовался – продолжает ли кто-то из них нести службу, мне бы больше хотелось узнать, как по прошествии стольких лет оценивают моё «преступление» так называемые «потерпевшие», по милости которых я оказался в тюрьме. Помогло ли им требование самого жёсткого наказания для меня? И поняли ли они, наконец, что вернуть им деньги мог я, только находясь на свободе?

И небольшое пояснение. В описании некоторых диалогов используются считающиеся нелитературными матерные вы-

ражения, и вроде мне, учёному, это не к лицу. Да, не к лицу, я сам не матерюсь, и потому, многократно возвращаясь к написанному, старался по максимуму избегать использование мата, хотя пришлось буквально жить в его атмосфере, оставив скабрёзные выражения только там, где иначе дело или ситуация выглядели бы совсем по-другому. Ну, книга и так имеет пометку 18+, она исключительно для взрослых.

Пролог

"Отъици всему начало и ты многое поймёшь".

К. Прутков

Итак, как я оказался в тюрьме? Что меня довело до жизни такой?

А дело было так.

Как вы знаете, в начале 90-х страна резко встала на путь капиталистической трансформации, а потому работы по хозяйственному расчёту экономической лаборатории главка нашего министерства, которой я руководил в то время, оказались никому не нужными – у всех стоял вопрос как выжить в новых условиях, а не о внедрении современных экономических методов (хотя, возможно, как раз они и потребовались бы ...). Пришлось думать, где искать работу – экономисты оказались в первом ряду тех, от кого поспешили избавиться на заводах и в НИИ. Так что надо было идти торговать Сникерсами и барахлом на рынке или заниматься операциями с недвижимостью. Я выбрал последнее и зарегистрировал ИЧП. Удача сопутствовала мне: мой однокурсник был начальником БТИ, где в ту пору регистрировались все сделки, разрешил мне открыть у себя офис. И дело пошло так споро, что я один перестал справляться, у меня появились помощники и стал складываться коллектив. Однако, и текучка была

не позавидуешь – не успевал какой-нибудь брокер освоиться и оглядеться, как начинал работать на себя. То есть, офис, телефон, база данных были общие, а он, как мелкий воришка, гонорар от сделки клал себе в карман, получая, кроме того, у меня и зарплату. Таких я сразу выгонял, однако потом многие встречались мне в качестве хозяев собственных агентств, т. е., всё же у меня была неплохая школа, только я от этого ничего не имел...

Но не всё шло гладко, как вроде следовало из констатации первых успехов. Что ещё мешало работе? Срывались многие сделки, и просто потому, что пока обсуждались детали, собственник поднимал цену, т. к. рост цен в 1992 году был просто запредельный – 2509 %. Но я же был типичный совок, и даже в ту пору рыночных отношений у меня в подкорке глубоко сидел известный принцип: «Прежде думай о Родине, а потом о себе!». Поэтому, наблюдая, какой урон людям наносят скачки цен в жилищном строительстве, я подумал: надо им продавать квартиры не целиком, а **по метрам** в текущих ценах, которые так и останутся приобретёнными метрами, которые они будут добавлять к ранее купленным. У нас был хорошо налажен мониторинг цен на квартиры, и мы знали, что почём и где, в каком районе, сколько стоит квадратный метр жилья и как меняется рыночная конъюнктура. Но чтобы система по-метражного выкупа жилья, как я её назвал, могла начать работать, нужна была фирма-посредник, которая, суммируя взносы своих клиентов, покупала бы кварти-

ры по ценам рынка на себя, а вкладчикам выдавала **жилищные сертификаты (ЖС)**, удостоверяющего их право собственности не на квартиру, а на обезличенные метры. А когда тот или иной из них накапливал ЖС на целую квартиру, переоформлять квартиру фирмы в собственность клиента. И в этом случае его семья получала бы квартиру по цене, которая была в несколько раз ниже рыночной цены, т. к. первые метры приобретались значительно дешевле, чем при новых ценах на квартиры, которые выросли за время, прошедшее с этого момента.

Реализация такой идеи, какой бы заманчивой она не казалась, была не по силам маленькому агентству – нужен был солидный первоначальный капитал. Я стал искать соучредителей, чтобы создать акционерное общество, и мне удалось привлечь в него достаточно влиятельных людей Пензы: управляющего банком «Пенза» А. Г. Котломина, начальника Облстатуправления С. И. Дёкина, гендиректора страховой компании «Аско» (фамилию не помню, а сейчас этой фирмы нет), директора НИИ В. П. Сафронова, и ещё ряд юридических и физических лиц, которые все вместе на момент его образования внесли свои личные средства, образовав уставной капитал в размере 1 млн рублей. Разумеется, больше всего внёс я, и так появилось на свет акционерное общество «Торговля недвижимостью и инвестиции», сокращённо «ТоН-Инвест». А я, как инициатор его создания, был избран генеральным директором. Почему меня поддержали?

Потому что для того времени я предложил очень удобную для людей схему, ибо тогда накопить на квартиру было практически невозможно – не успеешь получить деньги, как они тут же обесценивались. А вот стоимость каждого приобретённого метра росла вместе с инфляцией. Поэтому для клиента было экономически выгодно покупать квартиру метрами по текущей цене, а мы ещё и льготы предоставляли: когда он набирал таким образом на 60 % площади квартиры, то получал право на заселение, продолжая выплачивать оставшиеся 40 %¹. У 60 клиентов, купивших ещё только по 1 кв м, не было права получить квартиру, зато ТонИнвест, сложив полученные деньги на 60 кв м, уже мог приобрести 1-комнатную квартиру и поставить её себе на баланс. Наши клиенты имели также ещё одну льготу – их деньги не пропали в случае расторжения договора: их мы возвращали по рыночной стоимости квартир на день возврата, что многие и делали, используя нашу фирму как сберегательную кассу.

Но почти год созданное ЗАО работало просто как агентство недвижимости, лишь предлагая покупать жильё квадратными метрами, и только к середине 1994 года, когда мы реально стали давать квартиры и возвращать клиентам день-

¹ И надо же, в 2022 году моя идея возродилась и трансформировалась в сервис, использующий принцип «Buy now, pay later» (BNPL), или «покупай сейчас, плати потом». Т. е., покупка осуществляется, долями – делится на равные части, при этом без уплаты процентов, как и у меня при покупке квартиры метрами. Эксперты прогнозируют, что к 2025 году мировой рынок рассрочки достигнет \$350–400 млрд, а к 2030 году может превысить \$2–4 трлн («Коммерсант»).

ги с учётом роста инфляции, утро у нас начиналось с очереди и вечером заканчивалось ею – люди несли и несли деньги. Среди них были две категории клиентов: те, кто действительно хотел улучшить свои жилищные условия, и те, кто просто спасал свои небольшие сбережения от обесценивания, покупая жилищный сертификат, чтобы продать его через некоторое время по рыночной цене. Первые были настроены делать долгосрочные вклады, накапливая купленные метры жилья, а вторые вносили деньги нерегулярно, но суммируемый их остаток позволял нам инвестировать их в приобретение квартир.

Пик нашей деятельности пришёлся на 1994 год и первую половину 1995 года. И каковы полученные результаты? За 2,5 года, вплоть до моего ареста в апреле 1996 года, 154 семьи получили квартиры, а более чем 800-м вкладчикам были возвращены вложенные средства, да ещё с индексацией, причём в уголовном деле фамилии всех этих клиентов, как ни странно, есть. Но почему же такое хорошее начинание закончилось крахом? Беда пришла откуда её не ждали – в стране вместе с МММ насчитывалось около 1700 других финансовых пирамид, и вслед за арестом Мавроди в августе 1994 года их организаторы один за другим стали закрывать свои фирмы, прекратив возвращать деньги своим клиентам. Мы же как ни в чём не бывало продолжали принимать деньги и выдавать жилищные сертификаты на квадратные метры, а у нас в офисе всё также стояла очередь в кассу. Но к лету 1995

года она постепенно стала редеть, а другая очередь, за возвратом денег, расти. Образовался кассовый разрыв, потому что стали приносить меньше, чем надо было возвратить. И вот тут-то на нас и обратило внимание областное руководство.

Пикеты вкладчиков рухнувших пирамид, жалобы во все инстанции, обвинения руководства области в бездействии в СМИ требовали срочного принятия мер, а ничего сделать было нельзя, т. к. в области были лишь филиалы МММ, РДС, РН и других пирамид, куда вносили деньги пензяки. «А если найти какого-то своего пирамидчика и наказать? Да тогда мы сразу заткнём глотки этим бестолковым горлопанам!» – стала витать мысль по кабинетам областной администрации. И надо же такому случиться, на потребу озабоченным чиновникам, как чёрт из табакерки, вылез Шутов Василь Васильевич, ранее возглавлявший Чековый инвестиционный фонд «Стабильность». И тут я вынужден сделать небольшое отступление, без которого всё описанное утратит состояние определённости.

Пришла новая власть, а такого рода «коммунисты», как Шутов – черти по уголовной классификации (масти) – сразу же перекрасились в демократов, лишь бы подняться хоть на ступеньку выше по административной лестнице. Вот и Шутов, бывший комсомольский функционер районного масштаба, чтобы попасть в обл. администрацию, стал кошмарить ТоН-Инвесты – писать во все инстанции жалобы, что мы об-

манываем вкладчиков, потому что у нас финансовая пирамида. И таки попал в правительство – в 1995 году его, не специалиста (диплом о высшем образовании он получил только через 5 лет, да и то заочно), назначили начальником отдела по ценным бумагам и страховому рынку. А в этом качестве он сам немало поспособствовал тому, чтобы наши клиенты из вкладчиков превратились в потерпевших – это он лично ставил палки в колёса по переводу наших клиентов в акционеры. Меня в итоге посадили, а его усилия были вознаграждены повышением в должности до замминистра Госимущества Пензенской области, с которой он дослужился и до министра. А покидая такую должность, как известно, никто не живёт на пенсию – подлость отлично конвертируется в сладенькие активы – Шутов стал владельцем и генеральным директором аж 5-ти ООО, связанных с сельским хозяйством. Вот так «успех» в борьбе с финансовыми мошенниками позволяет потом и госимуществом распоряжаться, и становиться успешным аграрием!

История эта имела продолжение в наши дни, о чём следует рассказать.

Когда в октябре 2021 года под видом журналиста я наведлся к Шутову в офис агрохолдинга «ДАМАТЕ», где он возглавлял одно из её подразделений, и спросил его, что такого сделал ему Скобликов, он, ничтоже сумняшеся, мне говорит:

– Так Скобликов обманывал клиентов и я, как честный

человек, не мог мимо этого безобразия пройти. А вы знаете, сколько тогда было потерпевших от всяких финансовых пирамид, МММ и прочих?

– Да-да! Мне недавно попала на глаза статья Петра Гарина, опубликованная на Пенза-онлайн, где он как раз и говорит о финансовой пирамиде Скобликова. Но очень интересно будет услышать это от Вас, поскольку это Вы начали требовать привлечь Скобликова к ответственности. Как в реальности обстояли дела? Сколько тысяч человек оставил Скобликов без денег, как МММ или РДС?

Он мнётся и прячет глаза. Я уточняю вопрос:

– С чего вы взяли, что ТоН-Инвест такая же пирамида? Там же реально давали квартиры, возвращали деньги, а перестали потому, что все разом ринулись в кассу... Именно так и происходят банковские кризисы, когда все вкладчики начинают забирать свои деньги.

– Ну, не знаю, не знаю. В администрацию поступало много жалоб от его вкладчиков...

– Вы лично хоть одну проверили?

– Зачем я буду проверять, мы поручили это налоговой полиции.

– Вы поручили... А у вас были полномочия для этого? От кого?

– Причём тут какие-то полномочия? Мы знали, что к губернатору ходило много вкладчиков, и мы ему доложили, что есть своя, местная пирамида. И что пора её руководство

призвать к ответу. Он и направил нас в налоговую полицию с поручением.

– Но причём тут налоговая полиция? Ведь если воровали деньги у клиентов, этим должно было заниматься следствие.

– Ну, мы потом подключили и прокуратуру, они там начали следствие, и Скобликова с его подельником посадили.

– Но Вы как действовали: как частное лицо или по заданию?

– Никакого задания, я был в курсе, что губернатор держит на контроле эти дела, и я не мог стоять в стороне. Но он одобрил нашу инициативу.

– А вы не один этим занимались, у вас была какая-то инициативная группа?

– Никакой группы не было, я всё согласовывал Бухтуриным Федором Николаевичем, он был юристом в правительстве области, а до этого мы вместе руководили областным чековым инвестиционным фондом. Да я его сейчас позову...

Вот те на! И его подельник (в 2013–15 гг Бухтурин был начальником Департамента государственного имущества, где сам Шутов – министром), оказывается, неплохо пристроился в «ДАМАТЕ». Ведомый и ведущий, меняясь положением в иерархии администрации, всегда вместе попеременно занимали там высоты. Ай да молодцы!

Бухтурин заходит в кабинет и Шутов ему объясняет:

– Вот тут журналист интересуется, за что посадили Скобликова. Ну, ты помнишь, мы с тобой вместе этим делом за-

нимались.

Но тот молча садится напротив меня и ничего не говорит. И так, как партизан, и дальше не проронил ни слова, а я продолжил спрашивать Шутова.

– Вы были рады, что Скобликова посадили?

– Конечно. Устроил какую-то пирамиду с квартирами! Мошенник, и получил по заслугам.

– А может, дело в том, что кто-то из ваших знакомых или родственников покупал жилищные сертификаты или акции, и вы хотели им помочь таким образом?

– Нет. Я просто был обязан обратить внимание руководства области на то, что МММ и прочие сбежали, а этот ходит на свободе и продолжает обманывать людей.

Тут мне стало окончательно ясно, что и я, и вкладчики были ему до фонаря, а ему просто представился подходящий случай выслужиться перед губернатором, и он не упустил его. И тогда я задаю убойный вопрос:

– А вы знаете, почему я решил поднять эту историю с ТоН-Инвестом?

– Ну, это вам журналистам интересно копать, а мне это зачем?

– Да этим Вы вместе с коллегой должны были прежде всего поинтересоваться, а не я. Вы же посадили человека, а что потом с ним стало, было наплевать?

– Я уголовниками не интересуюсь.

– А надо было бы поинтересоваться, поскольку он был

незаслуженно наказан, и по вашей вине – тоже.

– Ну как это незаслуженно? Сколько людей пострадало из-за него!

– Да в том то и дело, что это Скобликов незаслуженно пострадал. Он, когда вышел на свободу, подал жалобу в областной суд и судебная коллегия отменила приговор. А затем добился реабилитации с выплатой компенсации материального вреда и морального ущерба. Он же деньги клиентов брал не себе, а вкладывал в строящиеся квартиры, и они пропали именно из-за его ареста, т. к. некому было руководить фирмой. Так что получается, что это не он, а вы вместе со следствием наказали материально вкладчиков, они же в итоге ничего не получили, т. к. вложенные в квартиры деньги пропали за время следствия и нахождения Скобликова в заключении.

При этих словах он поменялся в лице, побледнел и переглянулся с Бухтуриным, не зная, что сказать в ответ. И я понял, что он в курсе, а до этого сознательно нёс пургу, полагая, что журналисту, пришедшему выяснять обстоятельства давно минувших дней, ничего не известно, ну, максимум, прочитал статейку в газете Пенза-онлайн (об этом я в начале беседы упомянул). И проямлил:

– В первый раз слышу. Я, как только его арестовали, перестал интересоваться этим делом. Спасибо, что проинформировали – скривился он в улыбке.

Ну понятно – мавр сделал своё чёрное дело, мавр больше

не причём! А я заторопился уходить, пока до него не дошло, а может, и дошло, что я и есть Скобликов, а не журналист. Я понимал, что нахожусь на чужой территории, где есть охрана, и меня могут задержать, а потом передать милиции. И хорошо, если только для выяснения обстоятельств. В общем, мой тюремный опыт, который продолжал прочно сидеть в подкорке, тогда на чистой интуиции подсказал мне, что лучше не выяснять наличие властного ресурса у Шутова...

Но вернусь в то время. Благодаря усилиям таких вот «доброхотов», руководство области не нашло лучшего способа успокоить общественность, как расправиться с нашими ТоН-Инвестами. А что обычно предъявляют предпринимателю, чтобы расправиться с ним? Обвинение в налоговом преступлении! Какого? Да любого. И стали меня вызывать в Налоговую полицию, требуя то одно, то другое прояснить, чтобы найти хоть что-то. Дело моё вёл Костянников, который из безработного офицера армии стал большим специалистом (!) по налогам. Вот вызывает меня на допросы, и каждый из них превращался в экономический ликбез. Он, по всей видимости, раньше служил где-то в штабе, и потому был большой мастак рисовать всякие схемы с квадратиками и кружочками, соединёнными стрелками, которые показывали движение денег. Самое интересное, что ни одной из таких схем в уголовном деле, когда я с ним знакомился, я там не обнаружил. Да и как они могли туда попасть, если вот он показывает мне их, а я ему задаю вопрос:

– Где тут у вас показаны налоги? Вот здесь и вот здесь приход, а здесь – расход. С прихода налог не платится, а при расходе взимается НДС, мы его аккуратно платим, а у вас в схеме этого нет. И не показано, что мы с зарплаты перечисляем НДФЛ (налог на доходы физических лиц) и на социальное страхование.

– Но вы же не платите налог на прибыль, вы её скрываете!

– А где вы видите прибыль? Её нет. Я пользовался известной всем экономически выверенной системой, при которой прибыли нет, вся выгода достаётся клиентам.

– Во-вот! Вы нарушаете налоговое законодательство тем, что не создаёте прибыль! Тем самым наносите ущерб государству!

– Мы исходим из интересов клиентов, иначе они покупали бы квартиры по более высокой цене, а так они её получают по себестоимости. У нас просто нет прибыли, вы это понять можете?

– Ага, значит вы наживаетесь на вкладчиках!

– Это каким же образом? Не даём квартиры, не возвращаем деньги? У вас же на схемах не обозначен ни мой карман, ни бухгалтера, ни кого-либо ещё. Кто пострадал? Назовите! Не надо искать чёрную кошку в чёрной комнате, где её нет.

Он замыкается, молча подписывает мне пропуск на выход, и я ухожу. И так раз за разом: у него задание найти сокрытие налогов, а он ничего не может доказать. Но я зря расслабился – Костянников нашёл-таки блестящий выход из

этой тупиковой ситуации – он, чтобы не выглядеть не оправдавшим «высокое доверие» начальства, просто пошёл на подлог: по договору о совместной деятельности мы приобрели для службы спасения 4 квартиры за их же 200 млн рублей, перечисленные нам, а он представил в отчёте о проведенной проверке всю сумму как скрытую налогообложения. Начальство Налоговой полиции закрывает глаза на эту нестыковку и даёт предписание Концерну ТоН-Инвест: перечислить в бюджет 443 млн рублей! – т. е., в двойном размере плюс штраф. Радостно потирая ручки, начальник Налоговой полиции Васильев даёт интервью газете «Капитал» от 7 марта 1996 года, в котором сообщает пензенцам, что его ведомство пресекло преступную деятельность фирм, возглавляемых неким Скобликовым (так было и написано: «неким»!), в результате чего они сумели доначислить в бюджет 5 млрд рублей. И тут я делаю роковую ошибку – 21.03.96 я в той же газете даю отповедь этому невежде, где пишу: от нас ни рубля не поступило в бюджет, и не поступит, т. к. проверка проведена непрофессионально и с большими нарушениями, а мы подали иск в арбитражный суд. Напрасно я это сделал: «высокое начальство» не прощает своих просчётов – как раз этот безграмотный акт проверки и лёг в основу постановления об аресте.

Как знает каждый, беда никогда не приходит одна. Ещё до того времени, как нами стала заниматься налоговая полиция, случились события, развитие которых в итоге больно отозва-

лось на моей судьбе. Дело в том, что у меня есть недостаток, которого не должно быть у руководителя: наивная доверчивость, основанная на том, что люди говорят о себе правду. И хотя меня много раз подставляли, я так и не смог избавиться от него, что и сыграло роковую роль. Когда пошли валом клиенты, и я с небольшим коллективом перестал справляться с их наплывом, приходят к нам двое ребят из ИЧП «Лора», Игорь и Валера, и предложили работать вместе. Смотрю, толковые ребята, отчего их не принять? Толковые нужны всегда, а особенно мне понравился своей деловой хваткой и энергичностью Игорь Воложанин. Вскоре он стал для меня таким ценным сотрудником, что мы вместе с ним открыли дочернюю фирму – ООО «ТоН-Инвест Центр», или сокращённо ТИЦ, в которой он был председателем правления, а я, смеяться будете, стал у него заместителем.

Но не сумел я разглядеть в нём ловкача и воришку, и когда принимал на работу, и когда стали работать вместе, за что он меня и наказал, воспользовавшись моей доверчивостью. А такие типы, как Воложанин, наоборот, очень легко распознают эту слабость в людях. Мне бы надо было приглядеться повнимательней к нему после того, как он без моего ведома поставил своего бухгалтера, любовницу сделал секретаршей, и не позволять ему нанимать брокерами своих приятелей и друзей, но... как же не доверять человечку, который проникся твоей идеей? Жуликом же он оказался на редкость продуманным. Когда вышел Указ президента о жилищных сер-

тификатах, который делал наши ЖС незаконными, возник вопрос: что с ними делать? У клиентов были на руках свидетельства о собственности на метры, а теперь они право на них теряли. И он предлагает мне преобразовать ТоН-Инвест в открытое акционерное общество, чтобы вместо ЖС выдавать акции. Подумав, я согласился, потому что иного выхода из-за президентского Указа в тот момент я не видел. Мы регистрируем открытое акционерное общество (ОАО) "Концерн ТоН-Инвест», а раз будем выпускать акции, нужен специалист по ценным бумагам. И оп-п-ппа! Как рояль в кустах, тут же нарисовался такой – Олег Жуков, который, как потом я узнал уже на следствии, был его другом. Вот и получилось, что у меня под боком образовалась сплочённая группировка Воложанина, члены которой потом дружно давали показания против меня, а его выгораживали. Но когда решался вопрос, кто должен был стать во главе новой фирмы, Игорька ожидало фиаско. Он-то рассчитывал, что за предложенный выход будет вознаграждён должностью генерального директора и, возможно, им бы и стал, но, согласно устава, им мог быть только тот, кто внёс наибольший вклад в уставной капитал ОАО. А это был я, т. к. он вообще ничего не перечислил, да и, как я понял потом, никакие свои деньги вообще не собирался вносить. Но имело ли это для меня какое-то значение, если я ему доверял? Нет. И уже став генеральным директором, я назначаю его своим заместителем, чтобы он, зная его хватку, вёл работу по переоформлению

клиентов ТОН-Инвеста и ТИЦ в акционеры. К тому же, это вполне меня устраивало, потому что это была рутинная работа: вызвать клиента, объяснить, что с выходом Указа наши ЖС незаконны, уговорить его стать акционером, а не требовать свои деньги назад, что номер его очереди (мы её вывешивали на стенде) останется тот же, и т. д..

Но это было ошибкой. Какой бы не была важной задача, решение которой руководитель замыкает на себя, а я сосредоточился на главном направлении нашей деятельности: подборе на рынке квартир для клиентов и заключением договоров со строителями на долевое участие, всегда надо проверять, как решаются другие задачи и, особенно тщательно, все операции с деньгами. Когда началась работа по смене статуса вкладчиков на акционеров для наших клиентов, Воложанин, имея в подчинении своего бухгалтера (Иванову), давал ей указание оформлять особо крупные взносы клиентов как собственный взнос за приобретаемые акции. То есть, клиент, получая в кассе на руки приходный ордер, был уверен, что приобрёл очередные квадратные метры, а их реальным владельцем, как акционер, становился Воложанин. А потом он через ту же Иванову, которая, вероятнее всего была в доле, эти акции обналичивал и, не получая ничего кроме зарплаты, сумел купить себе две машины, дачу и 4-х комнатную квартиру. Не забыл и тещу, подарив ей 3 квартиры.

Но как я мог заподозрить его в чём-то нехорошем, если мы стали дружить семьями? На Новый 1995 год он препод-

нёс нам билеты на корпоратив для городских предпринимателей, где выступала московская дива Лада Дэнс, а летом мы семьями отмечали покупку им дачи в престижном СТ «Родничок» в районе Сурского водохранилища. И если говорить о мошенничестве как преступлении, это, конечно, был высший пилотаж: Воложанин стал мне другом, втёрся в мою семью, т. е., злоупотребил моим доверием, да так ловко, что деньги выгребал из кассы он, а в тюрьму сел я! Ему, если воспользоваться фразой моего приговора, для «незаконного завладения чужим имуществом» как раз и потребовалось акционирование. Клиент думает, что он вносит деньги за квартиру, и ему даже чек дают в подтверждение. А на самом деле его деньги присваивались. Эту мошенническую схему он успешно применял до лета 1995 года, ровно до момента, как я совершенно случайно обнаружил фамилию Воложанина при подписании списка акционеров для получения разрешения на новый проспект эмиссии. Обычно, если руководитель доверяет своему персоналу, он подписывает исходящие документы и бумаги, как говорят, на автомате. И я было собрался поставить свою подпись не глядя, но замешкался и в глаза бросилась его фамилия на первом листе, да ещё с активом на несколько десятков миллионов рублей. Меня чуть током не ударило: откуда это он мог взять такие деньги? Листаю список, дохожу до буквы «С» – и чуть со стула не упал: и я там, оказывается, числюсь как физическое лицо, причём на такую же приличную сумму! Ах ты с-сука! Меня замазать

хотел? Немного остыв, вызываю его в кабинет и показываю список:

– Это откуда такие данные?

– А чего вам тут непонятно? Вы и я должны же что-то иметь со своих фирм.

– Ну-ка, ну-ка, объясни, что значит «иметь»?

– Да всё просто – берём и оформляем взносы на себя, а клиенту достаточно иметь приходный ордер и аннуитет акционерного общества.

– Но это же воровство!

– Ну какое же это воровство – мы у себя берём. В долг.

– И как ты его оформил? Долг?

– Акции и есть долг, вы это должны понимать.

– Ты не держи меня за дурака – это чистая махинация. И если вскроется, придётся ответить по закону.

– Вскроется – не вскроется... Надо жить здесь и сейчас.

– Нет, Игорь. Ни мне, ни тебе этого не надо. Ну-ка давай всё возвращай назад, акции должны принадлежать тем клиентам, которые за них заплатили.

– Ну ладно.

Ничего не дрогнуло у него на лице, он повернулся и ушёл. На следующий день с утра я захожу в бухгалтерию и спрашиваю:

– Мы вчера с Воложаниным решили, что деньги клиентов, которые он внёс без моего ведома как наши взносы за акции, необходимо вернуть на их счета. Вы сделали это?

– Он к нам заходил, но ничего не говорил, ни о каких счетах.

– Как не говорил? Ну тогда слушайте: все деньги, что числятся на нас за акции, срочно зачислить на счета клиентов!

– А он вчера свои акции сдал и получил за них деньги, у нас как раз был приход на такую сумму, не успели сдать в банк.

Меня как холодной водой окатило! Иду к нему в кабинет, а там закрыто. Возвращаюсь к себе и звоню ему домой – никто трубку не берёт (тогда не было мобильных телефонов). Так прошло несколько дней в бесполезных попытках связаться с ним, пока, наконец, я не пошёл на хитрость – попросил Жукова позвонить ему, а сам взял трубку:

– Ты что творишь? Я тебя под суд отдам! Немедля верни деньги клиентов.

– Вы со мной не разговаривайте в таком тоне. Если ничего не понимаете, сами пойдёте под суд. А я ничего возвращать не буду.

– Тогда ты уволен, а кто сядет, мы ещё посмотрим, я все деньги, что ты на меня записал, вернул.

– Я записал? А разве не вы эту операцию задумали? Иванова подтвердит, что это вы ей давали указание.

Я похолодел. Формально мне крыть было нечем – чисто сработано. Ай да Игорёк! Во как ловко меня подставил! Я ещё немного побухтел, погрозил, а в итоге он бросил трубку и... больше в ТоН-Инвесте не появлялся. Вообще! Да-а,

задачку он мне задал ещё ту: в прокуратуру идти – себе дороже, всё будет против меня, тут он всё рассчитал верно, а оставлять без последствий – себя не уважать. Я издал приказ об его увольнении по статье, да толку? Он и так не ходил на работу. Вот ведь, так ловко меня замазал, что я не мог и коллективу объяснить, что случилось и почему это он так внезапно исчез. А вскоре прочь потянулись и его секретарша, и бухгалтер, и те, кого он привёл: стали увольняться один за другим Симонов, Жуков, Умнов.

Но как же верно Воложанин подгадал время уйти! Шутовская инициатива наказать меня за строительство финансовой пирамиды стала воплощаться в жизнь – как раз по поручению губернатора Налоговая полиция приступила к проверке. У меня голова раскалывалась от навалившихся проблем, как найти деньги, чтобы возвращать их клиентам и купить квартиры, для тех, у кого накопилось достаточно метров для заселения, а мне надо было бросать всё, и идти объяснять Костенникову в налоговую полицию, что я не жулик и ничьих денег не брал. Хорошо хоть немного помог управляющий банком Котломин, наш акционер, дав ссуду на 500 млн, что позволило рассчитаться с самыми скандальными клиентами. А вот Журавлев, ген. директор ОАО Пензастрой, отказался помочь, хотя и мог. Осенью 1994 года, когда был самый успешный период нашей деятельности, мы заказали у него 46 квартир и внесли 50 %-ый аванс за них. Но мой юрист Садовникова, кстати, кандидат юридических

наук, прошляпила самое элементарное – цены. Хотя наша компания своим проектом как раз и специализировалась на нивелировании роста цен, она не обратила внимания на то, что в договорах речь шла об авансах на момент заключения договора, а не цене при окончательном расчёте. Так что оказалось, что мы не метры жилья приобретали, а квартиры по рыночной цене, аванс был просто гарантией того, что мы выкупим квартиры при сдаче их нам как заказчикам. Но и доплачивать за каждую пришлось бы вдвойне-втройне, чтобы передать её клиентам. Кошмар! Квартиры для клиентов построены, а отдать их им мы не можем.

Я к Журавлёву:

– Валентин Михайлович, выручайте.

– Не могу, цены взлетели на всё: цемент, металл, отделку, энергию. Вы же договор подписывали, надо было брать 23 квартиры, мы вам сейчас их бы и отдали.

– Как отдали? Вы же сами мне тогда говорили: бери больше, а то потом не получишь столько.

– Ну, говорил. А ты сам должен был думать – брать меньше, но оплачивать сразу. Или больше, но платить потом. Ты выбрал второй вариант.

Получив отлуп, я, тем не менее, ни сном ни духом даже не помышлял о том, чтобы свернуть проект. Мы пересчитали аванс в квартиры, получилось 4 или 5, сейчас уже не помню, и отдали их очередникам. Это помогло снизить давление клиентов, но подоспела другая засада: я сам попал в аварию.

5 декабря 1995 года, возвращаясь с дачи домой, я под Пензой попал в ДТП. Двигаясь в сумерках по дороге за городом, я переключил свет с дальнего на ближний, подчиняясь сигналам встречных машин вдалеке, которыми они требовали это сделать. И... въехал в брошенный на проезжей части бензовоз, который нельзя было увидеть при ближнем свете – экстренное торможение не помогло, и я врезался в него правым боком. В моей шестёрке были, конечно, ремни безопасности, но я не был пристёгнут и при столкновении лбом разбил лобовое стекло и покалечил ногу. Вызвали ГАИ, они приехали часа через три, всё зафиксировали, и оставили меня. Хотя при столкновении было сильно помято правое крыло, радиатор не был повреждён, мотор работал. Голова гудела как колокол, на ногу было наступать больно, но я доковылял до багажника, взял монтировку, и преодолевая боль, отогнул от колеса крыло, чтобы оно своими краями не порезало резину. Завёл мотор и поехал домой. Приехал за полночь, Вера (жена) меня встретила руганью, но я не стал ей отвечать и не раздеваясь, лёг в зале (мы давно уже спали раздельно).

На следующее утро, не позавтракав, я поехал в больницу скорой помощи, и там определили, что у меня сильное сотрясение мозга, но кость на ноге цела, ссадину обработали и отвели в палату. Пролежал я там дней пять, Вера не приходила, но сосед попался щедрый, ему столько носили каждый день, что одному не съесть. Он видит, что я лежу брошенный, и стал делиться со мной. Лечение было стандарт-

ное – чтобы исключить кровоизлияние мне ставили капельницы для того, чтобы исключить коагуляцию кровяных телец, и делали уколы, понижающие давление. Голова гудела, меня шатало, но как только она немного перестала болеть, я, несмотря на то, что по нормативам надо было ещё продолжать лечение, отпросился домой – чего болеть, надо срочно фирму спасти.

Прихожу, а на работе стало всё ещё хуже: каждый день то один клиент, то другой приходил с требованием срочно вернуть деньги, и со всеми, преодолевая головную боль (от нервного напряжения она вернулась), приходилось беседовать мне. Нужно было также решать вопросы с отсрочкой платежей строителям. И тут недели через две после выхода из больницы, т. е. как раз под Новый год, присылают решение ГАИ о том, что я нарушил п.10.1, согласно которому водитель должен вести транспортное средство, учитывая интенсивность движения, дорожные и метеорологические условия и, в частности, видимость в направлении движения. На редкость лукавый пункт, согласно которому любого водителя можно наказывать, т. к. он должен предвидеть, что всегда на дороге есть какой-нибудь мудака, который может бросить машину где попало. За это я и был наказан, мне штраф, а водителю бензовоза – ничего! Ну, хотя бы обоюдку выписали, т. к. если у него мотор стукнул, и он не смог поставить машину на обочину, то надо было включить габаритные огни и выставить сзади знак аварийной остановки. Но... шёл 5-ый

год провальных реформ, в цистерне у него был не бензин, а подсолнечное масло. Бензовоз сразу после ДТП отбуксировали на стоянку напротив областного ГАИ (переименовали в ГИБДД в 1998 г) и, следовательно, виноватым обязательно должен был стать я, чему в помощь этот хитрый пункт ПДД. Но всё равно я подал жалобу на имя начальника ГАИ, в которой обосновал, что основным виновником ДТП является водитель бензовоза. Но постановление оставили в силе.

Не согласившись с этим, я после новогодних каникул отправился добиваться справедливости к прокурору Первомайского района г Пензы Васильчикову В. В., чтобы оспорить это постановление. Он принял меня, но при этом был подчёркнуто предусмотрителен, как будто уже что-то знал, дал мне возможность сделать выписки из дела, посоветовал, как написать жалобу. Вопрос надо было срочно решать, т. к. пока я лежал в больнице, с моей разбитой машины сняли колёса. Так и движок разберут, пока я буду добиваться справедливости от ГАИ (кстати, когда я вышел на свободу, от моей шестёрки ничего не осталось, кроме остова. Но разбираться с этим прокуратуре было не к спеху – там, вероятнее всего, были в курсе, что мне недолго оставалось ходить на свободе.

Однако, посадить человека не такое уж простое дело, как может показаться на первый взгляд. Уголовное преследование в России имеет очень интересную особенность: не предотвращать противоправные деяния, а начинать действо-

вать только после того, когда поступит заявления от кого-либо об этом – всем известно, как реагируют в милиции: «Вот убьют, тогда и приходите!». При этом совершенно необязательно, имеет ли место быть на самом деле преступление или нарушение закона, для милиции чтобы начать реагировать, нужно наличие жалобы. Когда во второй половине 1995 года стали рушиться пирамиды МММ, Русской недвижимости (РН), Русского дома Селенга (РДС), Тибета и других компаний, проблема неплатежей перекинулись и на другие компании. А наши клиенты, не вникая и не разбираясь в том, что в отличие от них мы не пирамиду строили, отдавая деньги с процентами за счёт новых поступлений, а вносимые ими деньги направляли на приобретение квартир, приравняли нас к этим конторам по сбору денег с населения. Они стали массово расторгать договора инвестиций и обналичивать свои жилищные сертификаты, а поэтому деньги у нас скоро кончились, т. к. они были вложены в строящиеся квартиры, и вытащить их оттуда до срока мы никак не могли. Но т. к. никто в правоохранительные органы не обращался, меня не трогали, пока не нашлись, как это всегда бывает, защитнички «простого народа» (Шутов с его дружкой). Не буду гадать, как и что там решали, но через некоторое время меня вызывают к следователю, и почему-то в Первомайское РОВД. Мне это сразу показалось странным – все наши фирмы были зарегистрированы в Ленинском районе Пензы, я проживал в нём же, поэтому поручить проведение проверки в

другой район, т. е. не по месту преступления согласно УПК, для этого надо было иметь веские основания. Почему УВД области приняло такое решение, не знаю, но, вероятнее всего, лишь начальник Первомайского РОВД согласился взяться за это тухлое дело. И вот, после публикации моего ответа на интервью Васильеву, я начинаю ходить в Первомайское РОВД уже как на работу, объясняя теперь следователю М. Назировой элементарные вещи. Но поскольку в экономике она была бум-бум, и разобраться в наворотах Костянникова по части ухода от налогов тоже не смогла – а требуют! – ей, я думаю, руководство милиции по согласованию с прокуратурой (как же без неё!) дали задание обвинить меня в мошенничестве.

Но вернусь в то время. Тех, кто не получил ни квартир, ни денег, оказалось всего чуть более 200 человек, т. е., в сотни раз меньше, чем пострадало от МММ и прочих пирамид в нашей области. Но неважно, много или мало людей потеряли свои деньги, в первую очередь должен был бы рассматриваться вопрос как найти и вернуть людям деньги, а не о моей вине и наказании. И если бы так решалась проблема наших вкладчиков, мы могли со всеми рассчитаться, и не было бы никакой необходимости прибегать к уголовному преследованию. Во-первых, иск от потерпевших был предъявлен на 1,7 млрд рублей, а дебиторская задолженность нашим фирмам строителей и других организаций, куда мы перечисляли авансы за квартиры, составила 4,1 млрд рублей. То есть,

нам в 2,5 раза были должны больше, чем предстояло выплатить клиентам. Во-вторых, из 154 семей, получивших квартиры, только единицы полностью рассчитались за неё, а потому обязаны были выплачивать долг за оставшиеся метры до 100 % жилплощади. Поэтому, если бы даже ни одного нового клиента не пришло, этих средств хватило бы, чтобы рассчитаться со всеми – система в этом плане была очень надёжной. В подтверждение этого сошлюсь на опыт мэрии Тамбова, которая приобрела нашу систему как «ноу-хау». Так там по ней люди получали квартиры без проблем как до моего уголовного преследования, во время его и после того, как я вышел на свободу. Я лишь об одном сожалею, что не съездил в Тамбов и не собрал информацию об использовании моей разработки.

Нельзя сказать, что я ничего не предпринимал, чтобы избежать уголовного преследования. Когда меня начали вызывать то в налоговую полицию, то в РОВД по делу и просто так, я пришёл за советом к Файкину² и спросил его – меня могут посадить? На что он, смеясь, ответил:

– Женя, на меня завели более 40 дел, но как видишь, я хожу на свободе. Если ничего не клал в свой карман, ты чист. Как у тебя с этим?

² Б. Файкин, будучи начальником лаборатории ЭВМ проектного института союзного значения Гипромаш, в отличие от меня быстро въехал в тему грабительской чубайсовской приватизации, скупил чеки у оставшихся без работы и денег его сотрудников, приватизировал главный корпус института и открыл в нём торговый центр Элком.

– Я все суммы, которые брал под отчёт, давно вернул в кассу, всё до копеечки.

– Ну и чего ты волнуешься? Не посмеют! Если ничего не должен своим фирмам, у них нет оснований для возбуждения уголовного дела.

– Но меня уже с полгода трясёт налоговая полиция, якобы мы не платим налогов за покупки квартир.

Объяснил ему экономическую схему работы с ЖС. Он посмотрел и говорит:

– У них кто там сидит? Что за чудаки, с купленных товаров налог не платится. Не парься, у них этот номер не пройдет. Я тебе дам в помощь моего юриста Кузина, он поможет вам составить иск на решение налоговой полиции и вести дело в арбитражном суд.

Но тревога не покидала меня, потому что жена, с которой я делился своими опасениями, вместо того, чтобы хоть как-то поддержать меня, стала тоже обвинять меня:

– Ты мошенник, оставил людей без денег! А семья из-за тебя может остаться без крыши над головой. Давай разведёмся.

– Кого это я ещё оставил без денег? Ты в своём уме? Пусть подождут и всё наладится...

– Ничего не наладится! Ты был у Костяева, был?

– Был, я ему последние наши деньги отдал, 4 млн 100 тысяч, как он потребовал, по рыночной стоимости.

– Ты безмозглый дурак! Ему не деньги твои нужны, а на-

ша квартира. Он живёт в старой 9-тиэтажке, квартирка маленькая, а он хочет большую. Тебя арестуют и нашу квартиру заберут. Давай разводиться, иначе я тебе помогать не буду, и ты сдохнешь там в тюрьме.

И так изо дня в день. Живя в таком напряжённом режиме, мне было недосуг хорошенько подумать и посоветоваться с юристами – ну как бы это прокурор области отнял квартиру у осуждённого? В общем, я сдался и за 10 дней до ареста мы развелись, нарочито поделив имущество: ей и сыну отходили 3-х комнатная квартира в новом кирпичном доме на Красной на границе с ботаническим садом, на которую мы поменяли свою 4-х комнатную квартиру на Ставского, а мне полагался хлам в частном доме на Суворова, который принадлежал моей тёще Нине Дмитриевне, и где я был прописан после обмена, чтобы на мне не числилось никакой недвижимости (тоже по её настоянию). В общем, мне было недосуг подумать, что какой бы у нас не был развод, фиктивный или настоящий, у нас нет такого закона, чтобы можно было изымать единственное жильё. Но оказалось, что сделано это было не напрасно, о чём будет рассказано в эпилоге.

Но пойдём дальше. Мои хождения на беседы к Назировой поимели тот результат, что там решили прекратить их самым решительным образом – предъявить мне обвинение в сокрытии налогов, посадить в тюрьму (СИЗО) и спокойно, не опасаясь, что я, как пишется обычно – «мог воспрепятствовать установить истину», вести следствие о мошенничестве как

основном составе преступления. Передавали, что очень торопил сам губернатор:

– Вы чего там резину тянете? Почему Скобликов всё ещё на свободе, вы сколько там ещё будете выяснять, виноват-не виноват? Обманул людей – пусть сидит.

Но за налоговые преступления аресту не подвергали даже в то время, а поэтому нужны были заявления потерпевших. И их скоренько так состряпали довольно примитивным способом: капитан Зюзин вызывал в РОВД клиентов ТоН-Инвеста, не знаю – всех сразу или по очереди – и говорил им (или каждому):

– Скобликов мошенник, он присвоил ваши деньги, сам жирует и собирается сбежать за границу. Но мы не позволим ему это сделать, если у нас будет основание задержать его. Предлагаю вам написать заявление с требованием привлечь его к уголовной ответственности.

– А нам вернут деньги?

– Конечно. Если вы напишете заявление, мы арестуем его счета, конфискуем его деньги и недвижимость, и возвратим вам всё.

Я, разумеется, не присутствовал при этих разговорах, но можно быть уверенным, что именно в таком ключе им предлагали писать заявления, более 20-ти из которых я нашёл в своём деле, когда знакомился с ним. Зюзин, конечно, знал, что он обманывает «обманутых вкладчиков», но тупо исполнил то, что ему приказали. Гораздо хуже то, что никому из

подписантов ни тогда, ни в ходе судебных слушаний и за время моего заключения, так и не пришла в голову простая мысль, что это не я, а правоохранительные органы их обманули, говоря им, что только с помощью уголовного преследования можно вернуть деньги. Ну что за люди? Почему так легко поверили вранью? Что можно получить с организации, которую по их же наводке трясут как грушу, а руководитель постоянно пропадает у следователя? Но наши клиенты, я бы сказал даже, «наши доверчивые клиенты», привыкли больше верить официозу, чем доводам разума.

Вот вы представьте себе: ваши деньги, заработанные потом и кровью, зависли в организации, которую проверяют все, кому не лень. К кому вы обратитесь? Конечно, в правоохранительные органы, дабы они вскрыли «преступный гнойник». А как они вскрывают его? С воем, с мигалками, на нескольких микроавтобусах в офис подозрительной кампании прибывает следственная группа с вооружёнными омовцами, забирают компьютеры, грузят всю бухгалтерскую документацию в мешки и... ждите, граждане потерпевшие, ждите самого честного, самого справедливого суда – год, два, три, а может и больше. Нет, чтобы включить свои мозги – без бухгалтерии фирма не может работать, деньги, если там они ещё оставались на счетах, напуганные таким вторжением бухгалтер и зам руководителя с правом подписи тут же их обналичивают, чтобы рассовать по своим карманам и карманам приближённых, а персонал перед тем, как уволиться,

всё не вывезенное ОМОНОм имущество растащит. А чего сидеть-то? Зарплаты больше не будет, да и ради кого стараться? И всё – финита ля комедия! «Потерпевшим» же в награду останется лишь моральное удовлетворение, что «эти негодяи, жирующие на наши народные деньги» будут примерно наказаны, ведь большинство же верит, что девиз у органов: «Воровству нет оправдания – есть серьёзное наказание!» не расходится с делом.

Обычно редко кому приходит на ум, что проблемы «обманутых вкладчиков» чаще всего порождены самими правоохранителями, их неумным и неумным вмешательством. Если бы власть не пошла на арест Мавроди, сейчас бы его мавродишки котировались по цене биткоина, а их владельцы назывались бы уважаемыми инвесторами. А что касается моего дела, уголовное преследование вдобавок ко всему обуславливалось необходимостью реализовать личные амбиции – Шутов влез не в своё дело, чтобы выслужиться как правдоискатель перед губернатором, а Васильев, похоже, не мог простить мою отповедь... и меня арестовали ровно в тот день, на который было назначено слушание нашего иска к его ведомству в арбитражном суде. Я в ту пору наивно полагал, что они должны думать в первую очередь о том, чтобы помочь людям вернуть свои деньги, а не наказывать лишением свободы руководителя, т. к. в этом случае клиенты его фирмы ничего не получают. Получалось, что я был больше обеспокоен за судьбу их вкладов, чем правоохранители.

Но как же я ошибался, и в правосудии, и в людях, и в себе самом, веря в правду и справедливость, и что я могу что-то доказать! Поэтому моя повесть прежде всего для честных людей, которые, как не зарекайся, могут оказаться в тюрьме, именно для них прежде всего описаны подробно и в деталях все перипетии попадания туда и пребывание в неволе.

Арест и следствие, тюрьма

Истина и свобода тем замечательны, что все, что делают для них и против них, в равной степени им служит.

В. Гюго

1996 год

24 апреля, среда

Ничего не предвещало того, что уже завтра в моей судьбе произойдёт крутой поворот, и кардинальным образом изменит всю мою последующую жизнь, оставив за бортом воспоминаний прежнюю. Звонит мне следователь М. Назирова и приглашала меня на завтра к себе на 10 часов. Я ей говорю, что в 10-ть должен быть в арбитражном суде, и тогда она просит меня прийти к ней к 8–30. Обычное согласование времени приёма, я ничего не заподозрил. А вот если бы я дал согласие, а сам отправился в арбитражный суд, всё могло пойти совсем иначе – не думаю, чтобы меня стали там подвергать аресту. Но что случилось, то случилось...

25–26 апреля, четверг-пятница

Ничего не подозревая, я пришёл к 8–30, причём ещё ждал у кабинета Назировой 15 минут, она запаздывала. Вот она появилась в коридоре, открыла кабинет и пригласила меня зайти. Сама не торопясь разделась, села за стол и протягивает мне акт:

– Вы должны подписать акт проверки налоговой полиции по ОАО Концерн ТоН-Ивест.

– Я ничего подписывать не буду до рассмотрения нашей жалобы в арбитражном суде.

Не реагируя на мой протест, она молча вставляет лист протокола допроса в машинку, и печатает там, что я от показаний отказываюсь. Я, не понимая, чем мне это грозит, его подписал. А она тут же звонит оперативникам, и к ней заходит капитан Зюзин. И вот с этого момента всё в моей жизни круто меняется! Зюзин отвёл меня в другую комнату, где были уже готовы документы на задержание и обыск. Мне там объявили о том, что я задержан и могу пользоваться услугами адвоката. А когда пришёл дежурный адвокат (Кирасиров), мне стало настолько плохо, что я сделался как овощ. Тогда Зюзин позвонил Назировой, они что-то там обсудили, после чего вызвали Скорую. Пока её ждали, адвокат ушёл. Приехавшего врача встретила Назирова, и минуты три с ним говорила в отдалении так, чтобы я ничего не расслышал. По-

сле чего врач подошёл ко мне, вставил в уши стетоскоп и стал слушать сердце, потом начал мерять давление, но манометр расположил так, чтобы я не мог видеть, что он показывает. Снял манжету и говорит:

– Я ничего особенного не вижу.

– Как Вы ничего не видите – едва выдавил я. Мне плохо, потому что я гипертоник, у меня ИБС, а недавно попал в ДТП, после чего лежал в больнице с сотрясением мозга!

– У вас давление как у космонавта.

– Какое? А почему Вы его мне не говорите?

Он многозначительно посмотрел на Назирову, и не увидев одобрения на её лице, встал и ушёл. Ушёл, и мне даже дежурного укола не сделали! А меня обыскали и забрали дипломат, в котором были ключи от квартиры, документы и зарплата, которую я забыл вчера выложить, и отвели в гадюшник. «Всё, конец!» – билась в голове одна мысль! А я, балда, ещё думал, что вечером буду дома. Часы отобрали и я потерял счёт времени, поэтому казалось, что оно тянулось жутко долго. Камера постепенно стала заполняться молодыми хулиганами, воришками и наркоманами, которые жаловались на побои от оперативников. Где-то, вероятно, после обеда, оперативники вместе с офицером налоговой полиции Костянниковым меня повезли делать обыск в квартире. Когда подъехали к дому, жена выходила с соседом Новичковым из подвала, и я ей сказал: «Обыск!». Она в крик, стала страшно ругаться, а сама побежала к прокурору области, ко-

торый жил в соседнем доме. Увы, это их не остановило, они подвезли откуда-то понятых и открыли дверь моим же ключом. Сын Миша сидел весь напуганный. Боже, какой удар для него! И начался обыск. Всё осмотрели, выпотрошили сервант и забрали все документы, что там были. Через некоторое время пришла Вера. Снова крик, ругательства. Но её пообещали посадить на 15 суток, и она немного утихла. Посадили меня на кухне, разрешили покормить меня (есть я не стал – просто не мог), но поговорить с Верой не дали, вещи взять – тоже. Потом я узнал, что с обыском они ездили и на работу, забрали всё, что было у меня в сейфе и ящиках стола. И ни в том, и ни в другом случае описи изъятого не составляли, что делало обыски незаконными, а добытые таким образом документы не могли быть приобщены к делу в качестве доказательства моих преступных деяний.

После обыска меня снова посадили в гадюшник, и я сидел там до вечера, пока не отвезли на ул. Злобина в КПЗ (ИВС). Там снова обыск, даже носовой платок изъяли. Затем завели в бельевую, дали матрац, подушку (ватную), одеяло, наволочку и простыню, кружку, ложку и повели в камеру. Она была с несчастливым числом: № 13, на 2-х человек, в ней 2-х ярусная шконка, в углу у двери – параша (эмалированная кастрюля с крышкой), стоит её открыть, как вся камера наполняется жутким зловонием. Вечер и ночь провёл один. Весь день прошёл у меня как в тумане, я будто находился как во сне, ничего не соображая (да всё это время мне

и не давали опомниться, постоянно торопя и подгоняя). Я был просто растоптан всеми этими событиями, а тут ещё ни звука, ни голоса человеческого. Конечно, ночь я провёл без сна. Утром подъём в 6–00, дали кипятку. Через час принесли рыбу с сизым картофельным пюре, но эту гадость я есть не стал. Впрочем, даже если бы принесли еду из ресторана, я тоже не стал бы есть. И опять одиночество. Состояние жуткое, ощущение ирреальности.

Наконец, после 12-ти за мной приезжает капитан Зюзин и везёт меня в РОВД, где меня снова сажают в гадюшник. Просидел там как на углях 5 часов. За это время многие задержанные побывали у оперов и у следователей, после чего их отводили к прокурору. От него – уже в КПЗ или сразу в СИЗО. Я ждал своей очереди. И опять ощущение ирреальности происходящего, как будто это происходит с кем-то другим и на чужой планете, а не со мной. Всё окружающее меня видится как в какой-то дымке, а происходящее вокруг ощущается как нереальное – совершенно машинально я ел со всеми сало, молоко и булку, которые принесли одному парню поесть, молча выслушивал жалобы и проклятья арестантов. Наконец, очередь дошла и до меня. Вызвали сначала к Назировой, она опять сунула мне протокол допроса на подпись, я его не подписал, а затем повели к прокурору. У него в кабинете я так горячо и нервно протестовал против ареста, что Васильчиков меня всё время успокаивал. Даже сказал следователю: пусть его обследует психиатр, всё-таки

у него была травма головы. От волнения у меня сильно упало зрение, и я потребовал отдать очки, которые у меня за чем-то изъяли. Васильчиков не стал ждать, когда мне их принесут, как и удостовериться, что подписал ли я постановление о своём задержании, и ушёл. Адвокат был, но безучастно наблюдал за всем происходящим, и ничего не возразил на незаконность задержания. Меня снова повели к Назировой, где я написал протест. Просил вернуть документы из дипломата и зарплату, но Назирова сделала вид, что спешит и пообещала всё отдать в понедельник. По неопытности, я поверил обещаниям следователя и успокоился, но ни очков (их за чем-то снова забрали), ни материалов для арбитражного суда, ни денег мне не вернули – всё это сгинуло в недрах РОВД. А меня опять поместили в гадюшник. Вера всё время была в РОВД, принесла мне поесть, но так как она набросилась на меня с ругательствами, есть я не стал. Слава Богу, Зюзин прервал поток её брани советом принести тёплую одежду и бельё на смену для тюрьмы, и она ушла, вернувшись с ними через час. Когда я стал переодеваться у Зюзина в кабинете, она сказала, что Мишу в школу не повела, он не спал всю ночь и лежал утром бледный (бедный мальчик, котёночек мой! И в голове стала стучать страшная мысль, что я его уже больше не увижу...). Потом меня отвезли в КПЗ и Зюзин на прощанье сказал, что в воскресенье, когда истекут трое суток, меня переправят в тюрьму.

В КПЗ поместили опять в ту же камеру № 13 (!), где я и

провёл последние два дня перед тем, как попасть в СИЗО на долгие два года. Там уже был парнишка, Батяйкин, 16 лет, который попался на квартирной краже. Но мне хорошо, хоть какой-никакой живой человек. А он всё об одном талдычит – выручит или нет его дядя, который работает в 6-м отделе УВД (борьбы с бандитизмом). Но какая интересная психология у подрастающего поколения! Я его спрашиваю:

– Будешь ещё воровать?

– Нет, не буду. Поеду в деревню к брату.

– Будешь работать?

– Нет, будем вместе кур таскать с Васильевской птицефабрики.

Ночь, снова не заснул, и на следующий день у меня голова была как чугунный колокол, всё в ней гудит, бум-бум, по телу дрожь, нервы натянуты как струна. И отвлечься ни на что нельзя, радио нет, газет нет. А где-то в 10 часов утра ушёл и мой юный собеседник – дядя парнишку всё-таки забрал, и я снова остался один. Еду арестантскую не стал есть, и даже шоколад, что у меня был в пакете, не лез в рот. Хожу по камере три шага вперёд, три назад, а мне всё хуже. Вчера практически весь день лил дождь, в камере душно и стоит зловоние от параши – парень всё время пил воду, потом мочился. Как откроет крышку, хоть всех святых выноси. И тут мне стало совсем плохо. Стал звать, стучать – никакой реакции. Наконец, достучался и пришёл сержант. Я ему говорю:

– Мне плохо, очень плохо.

Конвойный, видя, что я могу крякнуть прямо там у них, вывел меня во внутренний дворик:

– Сейчас вызовем врача, а пока иди гулять.

Там я гулял минут 30-ть, даже немного в норму пришёл, стараясь дышать по методу Бутейко. Разумеется, конвойный никакого врача не вызывал, а позвонил Зюзину, который приехал, надел на меня наручники и повёз в тюрьму. Было где-то 12–30 и пришлось ждать, сидя в машине, почти до 3-х – отправляли этап. Потом Зюзин сдал меня и всё – я в тюрьме! Но поместили не в камеру, а посадили в стакан³ недалеко от проходной. И вот я там сижу, голова гудит, что-то чудится, а что, не пойму, сердце стучит не слева, а как будто в гортани, в общем, мне жутко плохо. Я сидел-сидел и упал на пол, ударившись головой, очнулся и стал стучать и кричать: «Мне плохо, подойдите!». Ноль внимания. Снова отключился, потом очнулся и снова стал стучать. И так раз 5-ть, но никто не подходил, хотя на дежурстве была женщина, и она, конечно, слышала⁴, как я кричал, что мне плохо.

Наконец, пришёл конвойный и отвёл меня на привратку.

³ Что означают тюремно-уголовные термины, расшифровка дана в Приложении 1.

⁴ Любопытно, любой подозреваемый до суда считается невиновным – согласно Конституции, но что она для правоохранителей? В РОВД предупредили врача Скорой, что я преступник, и он пренебрёг клятвой Гиппократова, а Зюзину даже не пришло на ум, что он рисковал привезти на тюрьму труп арестованного. Сдал, а т. к. там меня ещё не приняли, то и с тюрьмы были бы взятки гладки. Но я не Магницкий, и сколько таких не Магницких, которые не доживают до суда?

Камера была больше, чем в КПЗ, но не лучше – унитаза нет, но уже полный говна, а кроме меня там было ещё человек 10, и все нещадно курили. Но хоть можно было слышать человеческие голоса, и меня немного отпустило. Привели ещё двоих, один с сеткой документов, представился Михалычем (потом мне сказали, что это Ларин, бывший начальник транспортного управления или управления дорогами). Он чего-то говорил, советовал, но я был как в отключке и до меня ничего не доходило, его слова отскакивали, как от стенки горох. Затем отобрали пять человек, в числе которых оказался и я (видно, это были новенькие), и отвели в бельевую. Там каждому дали матрац, кружку, ложку и повели в новый корпус – на карантин. Мне опять стало плохо, и я попросил лекарство. Просить пришлось несколько раз и наконец принесли валидол.

Компания в карантине подобралась весёлая, каждый рассказывал свою историю, но мне по-прежнему было плохо, и я совсем не вникал в их рассказы. Ночь опять без сна, утром проснулся – голова тяжёлая, всё плывёт как в тумане. Есть не хотелось, но один парень угостил салом, я не стал отказываться и пожевал немного, чтобы в желудке не было такого мерзкого ощущения. Потом стали вызывать по одному фотографироваться, снимать отпечатки пальцев и брать кровь на анализ. Когда меня привели в эту комнату, я сказал, что мне плохо, а рыжая врачиха или кто она не знаю, послушала сердце и стала мерять давление. Я заметил, что оно было

выше 150 и сказал ей об этом. Но она:

– У вас давление как у космонавта (дались им эти космонавты!).

– Скажите тогда, какое.

– Нормальное, нормальное.

– А пульс?

– И пульс нормальный.

А у меня сердце колотится так, что вот-вот выпрыгнет из груди. И это я ещё более-менее успокоился. И только одно талдычит:

– Всего вам доброго, всего вам доброго!

Тварь. Когда брали кровь, я сразу предупредил, что у меня вены на сгибе закрылись, там забирать не дам. На что сестра сказала:

– А тебя никто спрашивать и не будет!

То есть, я для неё уже преступник, падший человек, с которым можно не церемониться. И как начала швыряться иглой, ища вену, что я чуть в обморок не упал. Наконец, сестра вроде нашла вену, тянет, а кровь не идёт. Стала в другом месте ковырять, еле-еле сделала забор крови. А кровь в тюрьме берут на RV и туберкулёз, но забор мне делали использованными шприцами (тогда нигде не было одноразовых), которые медсестра взяла не с того столика, где обычно лежат стерильные. Для меня, конечно, это могло стать убийственным – подхватить через это сифак или ТБЦ. Буду молить Бога, что у тех, у кого она брала кровь до меня, с этим было

всё в порядке. После этого нас распределили по камерам, я попал в 21-ую, там уже было 8 человек – не то, что в наше время: Трепову, убийцу Владлена Татарского, в СИЗО «Лефортово» помещают не в общую, а в двухместную камеру одну, где есть телевизор и холодильник. Поди и на диету ещё сажают... И смотрю, там у одного, Степаныча, снабженца с Химмаша, всё тело покрыто язвами. Я подумал, что это у него после забора крови, но оказалось всё куда прозаичнее – тюремная инфекция. Так и у меня начали гнить руки и тело в карцере, куда меня поместили после того, как я объявил голодовку. Но это ещё что, а у ребят, когда они попадают на зону, нередко находят сифилис, хотя, понятно, что у них в тюрьме не могло быть половых контактов.

Камера № 21, 01 мая – 27 июня, 1 месяц 26 дней

Привыкаю к новой жизни: в хате питаемся все вместе, в основном тем, что передают родные. А «положняк» здесь такой: утром сечка, в обед рыбный суп (скорее – суп с рыбными потрохами), на 2-е шрапнель (сечка перловки), на ужин та же сечка, иногда рисовая. Мы выбираем из положняка картошку и морковь, добавляем кусочки колбасы из дачек и варим суп с помощью кипятильника по очереди в большом пластмассовом стакане. Оказалось, таким образом можно варить даже сгущёнку. Сначала спал на шконке внизу напротив общака, а 8-ого, когда один ушёл и не вернулся к вечеру,

переместился поближе к окну.

Через две недели вызвали, наконец, на суд. Когда сидел в арестантской районного суда, к одному парню подошла адвокат и долго с ним беседовала. А мой, дежурный, был где-то там в суде, но ко мне даже не заглянул. К моменту начала слушаний я дошёл до кондиции и уже самостоятельно говорить не мог – пришлось читать. Как дошёл до места, что у меня без попечения сын, непроизвольно зарыдал. Да что толку! Это цирк, а не суд. Объявив о моих правах, судья не позволила мне ознакомиться с материалами дела – они де вам известны. Затем выступил прокурор и просто зачитал своё постановление: де при сокрытии налогов в особо крупном размере я попытаюсь скрыться, но даже не пытался обосновать это, как будто я матёрый рецидивист и меня надо обязательно содержать под стражей. Тут адвокат заявил, что у меня масса хронических заболеваний и стал трясти историей моей болезни. Но когда он попросил приобщить её к делу, судья отмахнулся от него, как от назойливой мухи – ты дежурный, так не мешай, без тебя знают, что и как решать. Затем меня отвели в арестантскую и, не успел я сесть, как тут же снова повели обратно. Решение – оставить в силе постановление прокурора об избрании меры пресечения. В общем, вся процедура заняла от силы минут 10 с учётом моего отвода и привода на время совещания. И где тут справедливость, когда вот так по произволу распоряжаются судьбой человека и его здоровьем, разрушая его бизнес в угоду непонятно

каких и чьих амбиций! Вера на суд приходила, но конвой не позволил даже приблизиться ко мне. Адвокат, пока я ждал отправки в тюрьму, мог бы тоже зайти, объяснить, как мне дальше быть, но ему это было явно не нужно – ну зачем ему бесплатная трата времени?

Через два дня вызывают: Скобликов, с вещами! Скатываю матрас, беру сумку, сдаю в каптёрку и меня отводят на привратку. В голове бьётся мысль попеременно с сомнением: пересмотрели постановление, кто-то из потерпевших понял, что с сидящего в тюрьме своих денег он никогда не дождётся. Погрузили в автозак, который был набит под завязку так, что дышать было нечем, и стали развозить кого куда, а меня – в Первомайский РОВД. Оказалось – вызывали на допрос. И это через 3 недели, хотя по закону первый допрос должен был состояться сразу после предъявления постановления на арест! Вместе с Назировой был А. А. Лапенков из налоговой полиции, поскольку вопросы касались налогов. Он и начал:

– По каким договорам вы покупали квартиры?

– У вас вся бухгалтерская документация на руках, что в них не так?

– Всё не так, вы не отражали в учёте, какие налоги должны платить.

– И какие, и по каким сделкам вы нашли нарушения?

– Вот это я и хочу от вас услышать.

– Но чтобы я мог ответить, я должен видеть документы, по которым есть вопросы.

– Вы сами это знаете, не надо меня путать.

– Ну вот, пришли меня допросить, но ничего конкретного не предъявили. За что меня арестовали, хоть скажите?

– В постановлении ясно написано, за что – сокрытие налогов в особо крупном размере.

– И где вы их нашли, не скажете?

Назирова:

– Скобликов, вы не понимаете, где находитесь – вопросы тут задаём мы.

– Ну задавайте тогда их так, чтобы я их понимал и мог ответить.

И в таком духе допрос длился почти три часа. Я просто физически устал от этой бестолковщины, а ему хоть бы хны, все мои объяснения отскакивали от него, как от стенки горюх, только и знает, что через раз талдычит о сокрытии налогов, ни разу не пояснив, где и какие они там нашли. И сколько я не пытался его вразумить, что суммы сделок не могут считаться прибылью для налогообложения⁵, и тем более скрытыми, если они показаны в бухгалтерском учёте в полной сумме, всё бесполезно. Назирова, явно скучая, слушала в пол уха, потом вставила в машинку лист бумаги и напечатала протокол, в котором написала, что я не признал фактов сокрытия налогов. Это было правдой, и я его подпи-

⁵ Напрасно я это доказывал, они так и включили в обвинительное заключение и приговор полную сумму сделок по приобретению квартир для организации, которой выделили деньги на приобретение квартир для приглашённых специалистов.

сал. После допроса меня отвели в 48-ую комнату РОВД, где Вера, как ни странно, принесла хороший обед (жареная картошка с куриными окорочками и кофе). Но еда под аккомпанемент бестолковых обвинений просто не лезла в горло. Я ей говорю – нужен хороший адвокат, ей самой нужно пойти и переговорить с работниками и клиентами, объяснить им, что меня надо вытаскивать из тюрьмы, иначе они ничего не получат. Но она перебивала меня, кричала, что не будет меня кормить, что я подвёл семью, а Мишу оставил без отца, он очень переживает, мне же очень хорошо так сидеть. Конвойный торопил, т. к. вот-вот должен подойти автозак, она собрала мне в пакет остатки еды (практически всё, что принесла) и меня повели снова в обезьянник.

2-ой вызов к Назировой состоялся через неделю после первого. Привезли то ли рано, то ли это такой приёмчик давления на подозреваемого, чтобы был более сговорчивым – я ждал в обезьяннике до 3-х часов дня. А там тоже ждал парень, у которого ст.62 УК (наркомания). И он просветил меня о том, как сидят в Матросской Тишине – там можно ходить из камеры в камеру, зэкам приносят всё – водку, коньяк, икру. Даже с женой можно переспать или заказать проститутку, были бы деньги⁶. Допрос был недолгим. Адвокат пришёл, но ничего не говорил, только читал, какие показания я

⁶ Об этом и Мавроди писал в своих «Тюремных тетрадах»: «заводят проститутку с водкой и продуктами (обычно – курица-гриль) и оставляют на несколько часов. Стоит это удовольствие от ста долларов до двухсот»

писал без него. Начало допроса меня насторожило, поскольку ни один вопрос не касался обвинения в том, за что меня арестовали: о наших взаимоотношениях с другими ТоН-Инвестами и о системе жилищных сертификатов (ЖС). И оп-ппа! Она прокидывает: акционеры и вкладчики требуют крови – у неё масса заявлений от них на меня. Поэтому я стал уклончиво отвечать на задаваемые вопросы, а ей приходилось повторять вопросы. Но только в камере я окончательно понял, что она допрашивала меня уже по статье о мошенничестве, не предъявив обвинение. И вот куда же смотрел адвокат? Он-то понимал, что меня допрашивают в качестве обвиняемого по другой статье и, несмотря на то, что он был по назначению, всё же обязан был заявить протест и предложить либо перепредъявить мне обвинение, либо прекратить допрос. После допроса Вера меня покормила (с тем же гарниром попрёков) и завела разговор о деньгах, которые я якобы присваивал! Чёрт бы её побрал! Я разве когда-нибудь что-то скрывал от неё, все деньги до копеечки нёс в дом. Что это за жена, если не верит мужу? Как она могла поверить обвинению? Потом, как всегда, резко поменяла тему: Миша замкнулся, в школе ученики уже знают, что папу посадили и дразнят его. Это, конечно, ужаснее всего. Но Болдыревы, соседи, не изменили отношения, хорошо помогают. Я ей говорю:

– Продай дачу, но адвоката найми. Ты разве не видишь, что у Кирасирова потому безразличное отношение к моему

делу, что ты ему не заплатила?

– Тебя государство обязано защищать, оно ему платит, так пусть работает как положено. А я и передачи тебе носить не могу, т. к. на каждую надо минимум 200 тысяч рублей. Где я возьму денег?

Ну что тут можно сказать? Деньги у неё, конечно, были, я всю зарплату отдавал ей. Она же, со своим «Курочка по зёрнышку клюёт!» складывала деньги в свою копилочку, которую я никогда не проверял, думая, что она общая. Сколько там насобиралось, я не знал, но был уверен, что достаточно, поскольку кроме зарплаты отдавал ей выручку от автостоянки, которую мы арендовали. И при этом она на каждом свидании, когда меня вызывали в РОВД, на редкость бестолково вела себя, прямо как будто нарочно. Вместо того, чтобы пользоваться малейшей возможностью, чтобы обсудить поделовому, что предпринять, все разговоры – крик и пошлые обвинения. А чего меня обвинять, если находясь в заключении, я ничего сам сделать не могу, какой прок от них?

В этот день после того, как меня привезли, я с 16–30 до 21 просидел в стакане. После разговора с Верой я был морально разбит, да и самочувствие было паршивое. Хорошо, что было не скучно, т. к. вместе со мной в соседнем стакане сидел Малышкин, бывший директор Чаадаевского домостроительного комбината. Он мне всё рассказывал, что сидит здесь почти 2 года и куда только не писал – всё бесполезно: если решили посадить и нет поддержки, не отстанут.

Полгода погулял и вот сегодня снова арестовали. В камеру я попал аж в 21–30, но от усталости и от разговора с Верой, и от беседы с Малышкиным кровь стучала в голове так, что мне до утра так и не удалось заснуть.

Мой арест высветил ещё один мой просчёт – кадровый. Оказалось, что моё отеческое отношение к подчинённым они воспринимали весьма односторонне – я им всем был должен, а они мне – нет. Поэтому, когда случилась со мной беда, посчитали, что мне они ничем не обязаны, несмотря на то, что в те трудные 90-е годы у них ни разу не было задержек с зарплатой, а если и были какие огрехи, никого из них я не наказывал ни рублём, ни выговором. Им всё прощалось, а потому было очень неприятно осознавать, когда тебе на добро отвечают чёрной неблагодарностью – никто из моих работников за месяц не то, что передачку, даже весточку не прислал. Не знаю, что ещё будут говорить на допросах...

Утром на следующий день был режимник, я записался на личную беседу к нему и врачу. К врачу меня повели в этот же день, но ничего, кроме раздражённой реакции я от неё не получил. Давление непонятно от чего упало до 100/60 (а всё время было повышенное), я ей говорю, что надо сделать запрос в 3-ю поликлинику, а она в ответ – это де не смертельно, и не входит в мои обязанности, и т. д... А пока я был у неё, сокамерника Степаныча отправили в больницу с инфарктом. Похоже, это и мне грозит при таком отношении.

Сегодня, 23 мая, был 3-ий по счёту допрос, от Налоговой

полиции был всё тот же Лапенков:

– Вы совершенно зря упорствуете, мы же хотим вам добра.

Ну что, будем говорить правду?

– Какую ещё правду?

– Это вы должны нам рассказать. Если мы установили, что вы скрываете налоги, лучше признаться в этом. И тогда можно будет подумать об изменении меры пресечения.

В общем, купить меня за дёшево хотел – я признаю сокрытие налогов, а меня будут судить за мошенничество, а потому никто до суда не отпустит. Поэтому я пропустил его обещание мимо ушей, и говорю:

– А если мы ничего не скрывали? Тоже признаваться?

– Вы не грубите. Евгений Андреевич, не надо усугублять своё положение.

– Извините, просто я не могу понять, где и когда мы совершили налоговое преступление – в тот акте, что вы мне предъявили, нет конкретных данных, расчётов, а главное – куда же мы дели сокрытые деньги? Присвоили, пропили или пустили на ветер.

– Ну что вы на самом деле понять не хотите – зря расследовать дело о сокрытии налогов не поручают Налоговой полиции.

– И кто его конкретно поручил?

– Здесь вопросы задаю я. Значит, были веские обоснования, мы не обязаны их сообщать нарушителям.

Он ещё долго морочил мне голову тем, что я должен гово-

ритель, а что нет, усыпляя мою бдительность – де мне ничего не грозит, всё не так страшно, а то, что я в тюрьме, мне надо винить самого себя – на их вызовы не реагировал, на допросы к Назировой не ходил. Короче – вешал мне лапшу на уши, т. к. я ходил и в налоговую полицию, и в РОВД как на работу, да и арестовали меня именно тогда, когда я пришёл по вызову. Кирасиров опоздал и, как всегда, просидел весь допрос молча. Ну что ж, всё по закону: есть оплата по труду, а есть и труд по оплате, а если платит государство, можно вообще не напрягаться. Но будь я адвокатом, я бы так не смог, совесть бы не позволила.

По завершению допроса (Лапенков уже ушёл) я опять попросил изменить мне меру пресечения. Но Назирова не повернула даже головы, молча вставила в машинку бланк протокола допроса и стала печатать вопросы. В это время заглянул Ошлаков, который остался вместо меня за директора Концерна, и я попросил её дать мне возможность поговорить с ним. Она пообещала и отправила меня к операм писать ответы, а его пригласила в кабинет. Но не успел я написать ответы, как она пришла их прочитать и стала меня торопить. Когда я закончил, она пробежала их глазами и скривила недовольную мину:

– Евгений Андреевич! Вы опять за своё? Надо отвечать конкретно, а вы чего пишете?

– Чего я пишу? Если ничего мы не скрывали, я так и отвечаю.

– Ну смотрите, как бы вам хуже не было.

– А с Ошлаковым я могу поговорить?

– Нет, я забыла ему сказать, а он уже ушёл.

Ну да, ну да! Всегда одно и то же – пообещают и обманут. Правоохранители, как же... Веру о том, что я в РОВД, не предупредили, поэтому, когда кончился допрос, я попросил Кирасирова позвонить ей, это же рядом. Но, вероятно, для бесплатного адвоката это было в облом, я просидел в гадюшнике часа 2, приехал конвой и отвезли меня на тюрьму голодным.

На следующий день к нам в камеру заходил прокурор, надзирающий за СИЗО вместе с хозяином, и я их спросил, почему ни Васильев, ни Костяев не отвечают на мои заявления (нашёл кого и о чём спрашивать!). Сокамерник Юрка был у следователя и принёс весть, что готовится амнистия ко дню республики, ну, мне она не светит, т. к. впаяли часть вторую, которая по общим правилам никогда не попадает под амнистию. Все в хате стали брить головы, и я обрился заодно – теперь у нас в камере 6 лысых. Написал заявление следователю, что отказываюсь от такого адвоката. Был шмон, когда нас вывели на прогулку, а колченогий Михалыч, что подозрительно, не пошёл – он всё время старался сблизиться со мной, уж не кумовка ли? Больно часто его вызывают к куму, а зачем, по возвращению не говорит.

Вот уже 3 недели как меня никуда не вызывают – ну и что это за следствие? Пришёл ответ на моё заявление от 04.05

начальнику Налоговой полиции Васильеву, которое не дали прочитать как следует, но из него я понял главное – он не несёт ответственности за меру пресечения, это вопрос следствия. В камере появился врач – Алик (азербайджанец), и я попросил пощупать живот, что-то стало беспокоить уплотнение в нём. Он сказал, что это вполне может быть рак на ранней стадии. Кроме того, у меня сломался и 2-ой зубной протез. В воскресенье (1 июня) сказал об этом дежурному, но повели к стоматологу только через 10 дней, довели до 2-ого этажа и отправили обратно, т. к. там было полно народу. Да, надо проситься на больничку в 5-ой колонии (ИК 7/5 – исправительная колония № 5), там либо с зубами, либо с животом лечиться (ага, разбежались лечить зэка, да зубы ему вставлять!). Прошли 2 тягостных выходных дня, убиваю время игрой в шахматы, но всё равно безделье меня изматывает, поэтому голова постоянно как в тумане, внимание рассредоточено. Долго не могу заснуть, а однажды встаю, а надо мной все смеются – я не то кричал, не то плакал во сне. Просыпаюсь, как правило, затемно, а тут ещё один мужик зашёл, Коля (украл 100 м шланга с дачи), который день спит, а ночью бродит и курит махорку. Вообще, я стал выглядеть очень старым, волосы на голове стали отрастать – раньше звали Матроскиным, теперь Моджахедом.

Сегодня 13-ое – несчастливое число, значит не вызовут. И утром я встал, сделал зарядку, и только умылся – Скоблицов, с вещами, быстро. Кое-как свернул матрац, схватил

сумку с документами и на привратку. Повезли, да не к следователю, а на судебно-психиатрическую экспертизу! Вот это поворот! Вот сюрпризик мне приготовили! Постановление мне не дали прочитать, но врач сказал, что это потому, что я «настойчив». Врачей было 2-ое, Марья Александровна и мужчина лет 45–50. Спрашивали, какой я по характеру, почему часто менял место работы. Мужчина начал спорить по поводу того, что аудитор не имел права давать оценку правильности исчисления налогов. Я стал доказывать ему, что аудитор обязан сделать это, ибо тогда у него не пойдёт баланс. Что ещё? Они старались выяснить – как я реагирую на критику, почему опровергаю материалы проверки, почему не стал работать по специальности. Странно. Ну и причём здесь проверка на психическое здоровье? Когда вернулся, в хате появился новенький парнишка, и нас стало в камере 10 человек. Но тоже курит. Итак, соотношение 4/6, не в пользу некурящих.

20 июня – чёрный день, едва не ставший последним. Ещё с вечера стало болеть сердце с типичными признаками стенокардии – боли в левой стороне груди под лопаткой. Спал плохо, на левой стороне не мог. Утром встал рано, боли усилились, а сердце билось такими большими толчками, что голова будто подпрыгивала на подушке. Стал беспорядочно принимать рибоксин, корварол, нитроглицерин, но делалось всё хуже. Лишь к обеду ребятам удалось добиться, чтобы меня отвели к врачу. Но когда он стал меня осматривать, я по-

думал: таким только в концлагере работать. Сразу грубо:

– Ну скорее, скорее, чего там у тебя?

– Мне очень плохо, доктор.

Но он едва прослушал, давление не измерил, т. к. тонометр у него не работал. Сделали укол, кажется, анальгин с димедролом. А как привели в камеру, мне стало ещё хуже, боли усилились так, что казалось будто это жизнь уходит из меня, и в любой момент всё, настанет конец. Ребята заволновались и снова стали стучать, потому что видят – на их глазах умирает человек. Пришла охрана, ребята вызвались меня проводить, т. к. я сам идти не мог, но они не разрешили. Но и конвойные не стали помогать, и я по стеночке, по стеночке, через тычки и понукания: «А ну иди давай побыстрее, шевелись, старик!» спустился вниз к врачу. Там, не спрашиваясь, лёг на кушетку, т. к. силы меня оставили.

– Что с вами?

– Я умираю, давайте реанимацию.

На воле, конечно, тут же бы вызвали неотложку, но в тюрьме всё по-другому – врач, или не знаю кто, даже давление не измерил, только сестра сделала 3 укола, один из них в вену. Полежать не дали, в тычки и с понуканиями отвели в камеру. Я сразу лёг и уснул, видно вкололи успокоительное. Утром стало вроде полегче, но стоило приподняться, сразу темнело в глазах. И я почти весь день 21.06 пролежал пластом, на прогулку идти не смог, хотя надо было бы хоть немного подышать свежим воздухом.

Я никогда не помню сны. Но на следующий день был какой-то особенный сон: вроде меня выводят из камеры, потом охранник куда-то исчезает, и я иду по тюрьме один, через какие-то ремонтируемые помещения и лестницы. Наконец, я выбираюсь на поверхность и вижу – я вне пределов тюрьмы, оглядываюсь назад, а выхода, откуда я вышел, нет. Тут я просыпаюсь в ужасе – побег! Но снова засыпаю и вижу праздничный сон – то ли какой-то ресторан, то ли квартира, кругом незнакомые парни и женщины, а заводит компания я. Снова проснулся. Был ещё и 3-ий сон, но я его почему-то совсем не запомнил. Рассказываю 1-ый Михалычу, а он и говорит: нагонят тебя, ведь 25-ого истекает 2-х месячный срок. Хотя мои сны никогда не сбываются, я в приподнятом настроении отправился на прогулку.

Сегодня, **25 июня**, истёк срок моего содержания под стражей. Вернее, ещё вчера, если руководствоваться законом. Поскольку этого не произошло, я написал заявление, что в знак протеста за незаконное содержание под стражей объявляю голодовку и на проверке утром отдал его офицеру. Но никакой реакции в этот день не последовало, кроме того, что зашёл режимник и зачитал мне телефонограмму о продлении срока содержания под стражей. На следующий день пришёл прокурор, надзирающий за соблюдением законов содержания под стражей, вроде бы защитник арестованных. Я заявил ему, что объявил голодовку и он, поскольку моё содержание незаконно, имеет право немедленно освободить меня.

Я нагло заявил:

– Пусть, тот кто затеял это, снова подвергнет меня аресту.

– Но вам же зачитали телефонограмму, что срок продлён, и для нас это основание.

– Телефонограмма не является документом, вы это знаете. Но вас я прошу – передать В. Ф. Костяеву (прокурору области и нашему клиенту), что терпение моё иссякло, я написал ему письмо, он мне не соизволил ответить, поэтому я написал генеральному прокурору о всех безобразиях в отношении меня, и если он не решит вопрос в ближайшие дни, будет другое заявление, я привлеку СМИ.

– Привлекайте кого хотите. А он в Москве и вернётся на той неделе.

– Вот как вернётся, так и передайте.

Офицер:

– Ты чего ведёшь себя так, в карцер захотел?

Когда они ушли, ребята мне:

– Здорово ты его!

Но уже пошёл 2-ой день моей голодовки, и голова прямо отказывала, а тут ещё этот разговор. На следующий день была баня, я уже почти собрался, а меня хоп – с вещами! Ребята: "Ну всё, нагонят!" Да, нагнали – в карцер, только на общем основании. Это значит – постель со мной, могу валяться хоть целый день. Заводят в новый корпус на 1-ый этаж в камеру размером 1×1,8 м – располагайся. Я стучать: тут вода по щиколотку и сверху капает, мне же не карцер. Напи-

сал заявление Начальнику СИЗО: «В связи с тем, что 25.06 я объявил голодовку в качестве протеста на незаконное содержание под арестом, меня перевели в одиночную камеру на общем содержании. Однако меня посадили в карцер, хотя режим заключения я не нарушал и претензий от руководства СИЗО не имею. Если это режим общего содержания, то я не должен находиться днём без дневного света, стола и стула. Но не это главное – в камере вода на полу и сверху капает из канализации, спать нельзя. Даже если бы я мог спать, находиться в сырой камере – значит подвергнуть себя опасности заражения ТБЦ. Мне 57 лет, и я страдаю множеством заболеваний, в числе которых хронический бронхит. Прошу перевести меня в сухую камеру». Смиловились, в тот же день посадили в ту, что была рядом. А она почти такая же – только воды на полу не было, т.к. сверху капало прямо туда, где был откидной шкафонь. Не откладывая дело в долгий ящик, написал на имя начальника СИЗО два заявления: чтобы перевели в сухую камеру и на перевод в больничку.

На больничку меня, конечно, не перевели, но в тот же день водили к врачу, там сняли кардиограмму. Сестра сказала, что всё в норме. Как я спал, одному Богу известно – на 1/3 сгрудил матрац, постелил тряпку и полиэтиленовую плёнку, поставил стаканчик, чтобы вода не лилась прямо на меня. А ноги были на «машке». Проснулся с тугой башкой, а тут, ни свет ни заря: «С вещами!» Я, грешным делом, подумал:

«Вот, правильно, что начал голодовку, это я сделал мощный ход!», да тут ещё конвойный говорит: «Домой пойдёшь!» (до меня не дошла издевательская интонация в его голосе). Эйфория ещё более усилилась, т. к. повезли в Первомайский РОВД в одном автозаке с Воложаниным, и я подумал, что обоих освободят под подписку. Но по приезде нас развели по разным местам, его посадили в обезьянник, а меня с малолетками в гадюшник, где ни света, ни воздуха, все курят – и не запретишь. Когда, наконец, где-то к 12 часам вызвали, и я вижу, что в кабинете сидит Вера, понял, что никакой речи о свободе не идёт. А она сходу кричать:

– Ты что, не понимаешь, что у нас денег нет? Мише приходится есть у Болдыревых (соседей), всё имущество описали, нанимать адвоката будем только на процесс.

Вот так: была любовь, семья, все деньги до копейки я приносил домой, а как попал в беду, оказывается, деньги дороже мужа и отца ребёнка, 38 дней от неё не было ни слуху, ни духу. Потом говорит:

– Кончай голодать, мы работаем, и прекрати писать моей матери. Мартьянов (наши дети учились в одном классе гимназии) по своим каналам пытается что-то сделать.

И тут в разговоре выясняется, что мой арест – инициатива губернатора области Ковлягина, а если, не дай Бог, президентом будет избран Зюганов, тогда над нами устроят показательный процесс и впарят по 10-ке. Просил УПК, новый Уголовный кодекс с комментариями – в ответ опять крики:

– Денег нет, сиди и жди.

Еду она принесла, но я не стал есть, т. к. нельзя было прерывать голодовку. Потом зашла Нина Дмитриевна (тёща), обняла меня и заплакала, подвели Мишу – он такой светленький, подрост, молчит и только смотрит на меня. Я обнял его и сказал, что всё выдержу и мы скоро увидимся. Да, это моя надежда и любовь. Как же мне хочется побыть с ним хоть часок! Про что уж мы будем говорить – о динозаврах, компьютерах, роботах? 2 месяца для него – большой срок. Но тут все стали орать, и Назирова, и конвой: "Уведите их, не положено!", свидание прервали и отвели в гадюшник. Там был один малолетка (бывший детдомовец), который тут же мне начал плакаться, какой он несчастный: ни разу в жизни не воровал (за квартиру платил 150, а заработок на тепличном комбинате 120!). И вот де бес и попутал, он 40 кг огурцов с подельником стащил, но их накрыли.

Вдруг снова вызывают – думал, на допрос, а там меня ждёт свидание с внучкой Олей, которую брала на 2 месяца в Ригу Людмила, сестра бывшей жены, Ольги Фёдоровны – она привезла её в Пензу к школе. Они принесли мне скромную передачу и газеты, уговаривали бросить голодовку, но на случай выхода из голодовки я взял из неё только лимон, шоколад и яблоко. Верят в мою правоту, но помощь деньгами, тем не менее, Люда не предложила. После того, как закончилось свидание, меня снова отвели в гадюшник.

Да, целая история вышла с газетами. Следователь разре-

шила взять с собой в тюрьму, а конвой ни в какую – не положено. Я этим дубакам говорю: ваша обязанность довести до ворот заключённого, а не вещи. Тюрьма шмонает, и сама отберёт, если сочтёт нужным. Нет, де устав не разрешает. Но тут подошёл капитан, который почему-то, когда забирали меня, проявил особый интерес к моей особе. Я его попросил отдать газеты, и он принёс половину того, что мне передали. На привратке сидел мало, зато загнали бок о бок с Воложаниным, и я его предупредил, чтобы не играл в паровозик – пусть каждый несёт свой чемодан. А когда повели – о радость! – на 2-ой этаж, в такой же карцер, но сухой. Но радость быстро омрачилась – шконарь всего 1,5 м, а у меня рост 1,72, спать можно было только согнувшись в три погребели.

Теперь опишу, как шла сама голодовка в карцере.

1-ый день вообще ничего – до обеда писал на черновик жалобу генпрокурору, но к вечеру стала болеть голова. **2-ой день** был самым тяжёлым – с утра тяжёлая голова и общее состояние хуже не придумаешь. А тут ещё переселение. Все два дня пил воду с растворёнными аскорбинками – для укрепления сопротивляемости организма. **3-его дня** выпил таблетку цитрамона, ещё нозепам и после того, как усилилось отделение мокроты и появился кашель – таблетку арбидола. Но стала болеть шея и левое ухо стало пунцовым, а от чего, даже не знаю (сейчас я этим ухом не слышу). Вместо еды пью одну воду, вернее кипяток, который мне при-

носят. **4-ый день** провёл в РОВД (опять бестолковый допрос), самочувствие паршивое, слабость, сонливость, но всё же терпимо. Даже вытерпел целый час стоянки в автозаке перед тюрьмой. А есть уже и не тянет. Сегодня **5-ый день**, спал – не спал, не знаю. Ходил на прогулку. Было довольно прохладно, но я снял майку и загорал на солнце. Пришёл задрогший, лежал до обеда и, кажется, пару раз вздремнул. Сейчас пишу, накинув на плечи куртку и то ли мне жарко, то ли у меня температура, не пойму. Продолжаю: **6-ой день** голодовки проходит лучше, чем 5-ый, но на теле появились какие-то мокнувшие болячки, такие, как были у Степаныча – вот, достала и меня тюремная инфекция! Удивительно, но утром сходил по большому. Сначала чуть, а потом через некоторое время ещё и побольше. Но кал тёмный-тёмный. Надо было бы на газетку, чтобы видеть – нет ли кровавых выделений? Если снова позывы будут, так и сделаю. В животе как была окаменелость, так и не проходит, однако и не болит. Спал всё равно неважно, проснулся задолго до пробудки. Настрой у меня прежний – бороться, однако если суд не отменит решения, деваться некуда, голодовку придётся прекратить. На **7-ой день** стало хуже. Во-первых, ночь почти не спал – достали клопы. Я когда пришёл после свидания в РОВД, убил 2-х и подумал, что принёс их с каптёрки. Предыдущие дни их вроде как бы и не было, а этой ночью они устроили нашествие. Полежу, они сбегутся – побью и снова ложусь, но многим всё-таки удалось попить-таки мо-

ей кровушки. Утром посчитал убиенных по трупикам: более 700 штук. А перебить всех и не получится – стены камеры не гладкие, а оштукатуренные «под шубу», т. е. все в дырках, в которых клопы откладывают свои яйца. Только одно непонятно – почему клопы в этой камере ждали целых три дня? Чтобы наброситься на меня целой стаей? Копили силы, чтобы скопом напасть? Но, вероятно, они просто хорошо отъелись на предыдущем постояльце, и у них просто был перерыв... В общем, ночь прошла без сна и только утром после пробудки я раза три отключался.

Главное для меня в этой голодовке то, чтобы голова выдержала, а то, когда я первый раз держал голодовку в 1975 году в Москве в общежитии для аспирантов, я был вынужден её прекратить на 10-ый день, т. к. вдруг началась жуткая головная боль. Но приключилась другая напасть – появились явные признаки простуды – кашель, горло болит, сильное отделение мокроты как изо рта, так и из носа. Да, если заболелю, тогда голодовку придётся закончить, не дожидаясь суда. Опять утром сходил по большому. Если вчера кал был густоты сметаны, то сегодня – дрисня темно-коричневого цвета. Что ж, это продукт разложения тканей, а может, и опухоли в животе. Сам я сильно похудел, а вот она не уменьшилась нисколько. Очень противно пить воду, а надо. Выпиваю ежедневно где-то 2,5 л, беру по 2 кружки в завтрак, обед и ужин. Посетила меня, наконец, врач, послушала и сказала, что по сердцу есть отклонения, но они не смертельны. Вчера, нако-

нец, повели в баню. Но, как всегда, отношение тюремщиков как к рабу – ведь знают, что голодаю, ослаб, а всё равно гонят: быстрее, быстрее, едва дали толком помыться. Но всё равно для зэка баня – это как на воле побывать!

Опишу сразу **8-ой и 9-ый день**. Вчера день был заполнен делами и ожиданиями, снова водили в баню, дали ножницы подстричь ногти, но воду в обед не принесли, пришлось просить часа 2. Самочувствие стало получше, чем вчера, сделал зарядку, умылся. Позывы сходить по большому были, но неясные, а мучить жопу я не стал. Где-то часа в 3 принесли инсектицидный карандаш против клопов, и я очень аккуратно всё очертил кругом постели. Но стены, покрытые «шубой», с дырами и щелями, обработать карандашом невозможно. И прилёг. Думаю, предыдущую ночь не спал, надо дрёму нагнать. И тут клопы как полезли! И началась битва – полежу, они набегут, а я их соберу и давить. И так до поздней ночи. То ли в связи с голодовкой, то ли вообще от условий содержания, но сон не шёл. Так и пришлось принять капли пустырника, чтобы заснуть. Проснулся за час до пробудки, но глаз не открывал. Когда включили радио и стали разносить еду, получил свой кипяток и снова лёг. Удивительно, но заснул, ещё даже сны снились. В 10 встал, сделал зарядку, но не силовую, а для разминки суставов. Шея хрустит, но меньше, может остеохондроз рассосётся в итоге? Но вот что плохо – когда стал засыпать, стал мучить щемящий кашель. Тогда я стал глубоко дышать и задерживать дыхание. И вро-

де бы он прекратился. А проснулся – грудь заложило и кашель стал ещё больше. Если вчера кашель и отделение мокроты почти прекратились, то сегодня нос закладывает и приходится постоянно отхаркиваться. Постирал носки и вымыл камеру, разобрал вещи. Но тяжело было, устал сильно и когда повели на прогулку, меня так шатало из стороны в сторону, что ... и в дворике было трудно даже стоять. Но под конец полегчало... А потом вывели голосовать за президента, (голосовал не за Ельцина и Зюганова, а за Лебеда). Сейчас больше 2-х часов, обработаю ранки и полежу. То, что у меня на голове стали разрастаться болячки, это ещё ничего. Но они появились и на теле, чешутся и мокнут, ни мазь, ни зелёнка их не берёт. Как бы к суду не покрыться коростой по всему телу. Но как время тянется! Вот, думал, что дело идёт к 4-м, а по радио сказали – 14–00. Да, время – это самое тяжёлое здесь. Но проходит день и прошедшее время кажется пролетевшим мгновенно.

10-ый день. Ожидания мои не сбылись – не вызывали. Может поэтому спал плохо и проснулся задолго до подъёма. Шёл сильный ливень. Вообще, главная неприятность от голодовки – это проблемы со сном: вчера смог заснуть только задолго за полночь, хотя лёг где-то в 7 вечера. Я уж и ауто-тренингом занимался, и овец считал – ничего не помогало. Утром сделал зарядку, почистил зубы и смазал язвы. Принесли мази и стрептоцид, зашёл режимник и завёл беседу по поводу окончания голодовки и о жизни, за что сижу. Вроде

бы потеплел. А голодовку придётся вести до суда – в выходные никто не будет решать вопрос о переводе, да и продуктов для выхода из голодовки нет. Самочувствие вроде ничего, да вот беда – утром грудь как заложённая, а вечером одолевает сухой кашель. И когда лежишь начинается кашель... После обеда полежал и, хотя не было сильного позыва, попытался сходить по-большому. Получилось, но чуть-чуть, опять темнобурая сметанообразная масса. Уплотнение в животе не уменьшается, хотя весь мой жир уже сгорел. Потом водили на прогулку, было солнышко, и я погрелся. С прогулки сразу повели на укол, я дал согласие, может улучшится кровообращение, особенно на фоне голодовки. Правда, на ягодиче обнаружилось покраснение и появилась ещё одна язва на плече.

11-ый день голодовки. В общем, я уже повторил своё московское достижение. Правда, выхода с головной болью не будет. За все 10 дней только первые 3 дня болела голова. Чувствую себя, конечно, много хуже, чем тогда. Там я совершал многокилометровые прогулки и даже пробежки по парку в Кусково, и ничего. А здесь сегодня решил поправить свет, а для этого надо было подтянуться на одной руке и поправить лампочку. Так после еле отдышался, сердце колотилось как бешеное. И весь день слабость, сильно шатало. Наконец добился, чтобы дали зеркало, чтобы я мог побриться. Камера освещается наполовину и то слабо, так что проведёшь разок по щеке – помоешь станок и снова. Но выбирлся

и стал похож на Иисуса Христа – лицо истощённое, которое оттеняет борода (кстати красивая, можно оставить и после ходить с ней). Но увидел и другое – на правой скуле какой-то отёк. Язвы заживают, но плохо, слежу, чтобы новых не появлялось, тут же мажу. А сон по-прежнему плохой. Вчера заснул ещё позже, но проснулся с первой пробудкой, утром пытался снова заснуть, но не получилось. Может, поэтому и слабость. Но зарядку сделал, на ноги пытался делать растяжку, чтобы садиться в позу лотоса. Снова пытался сходить по-большому – не получилось. Вызывал Духанин, начальник оперчасти СИЗО. Я просил связаться с адвокатом Краснобаевой на предмет того, чтобы она меня защищала, но он сказал, что ничем помочь не может. Ещё просил перевести в маленькую камеру, когда закончу голодать.

12-ый день. Самочувствие нормальное, заклеил лампочку газетой, чтобы в камере был полумрак. Может поэтому ночью впервые спал, возможно, и клопы тоже, раздавленных не нашёл. Правда, несколько раз просыпался, при этом после 3-х побудок встал, подумав, что наступило утро, но окно было чёрным, и я снова лёг, так и проспал до звонка. Встал тяжело и через силу. Сделал зарядку, растяжку, понемногу разошёлся, голова ничего, однако во рту появилась горечь, мокрота отделяться перестала, зато в носу стали донимать «козюльки». Сводили к врачу, там сделали укол, дали ещё мази и заклеили на боку язву лейкопластырем, она не проходит вот уже 12 дней, т. к. ночью ворочаюсь и сдираю корочку.

13-ый день. А предыдущую ночь спал очень плохо, заснул только под утро. Но утром резко вскочил за кипятком и сразу забилося сердце, поэтому зарядку так, как вчера, сделать не смог, всё время чувствовалось сердце и на прогулке больше стоял. Весь в ожидании суда – написал выступление. Вечером немного вздремнул, а ночью пошли глюки – стало казаться, что кто-то рядом есть, слышались шорохи, открывал глаза, а мимо проплывал какие-то монстры, они что-то говорили мне, а что, не помню. Это меня встревожило, и я решил, что если сегодня не вызовут на суд, надо заканчивать голодовку.

14-ый день. Всё, эта ночь была последней – раз не вызывают, значит голодовку надо прекращать и отправляться в общую камеру. Поэтому взял хлеб, чай и сахар. Хлеба отрезал маленький кусочек и долго-долго его жевал, потом ещё, запил слабым чаем. Во рту стало противно, часа через 3 попытался снова проделать эту процедуру, но стало ещё противнее, и недоеденный хлеб я положил в ситор. Есть совсем не хотелось, а самочувствие было такое же плохое, как если бы я не прекратил голодовку, поэтому зарядку по полному раскладу сделать не смог. Донимали мокнувшие болячки, которые не присыхают даже под бактерицидным пластырем. Руки стали сильно дрожать. Подождал до 11-ти и вызвал зама по режиму, которому отдал заявление о прекращении голодовки. После обеда дежурный по коридору открывает кормушку и говорит:

– Скобликов, с вещами!

Собрался и ждал не меньше часа, затем открывается робот, я шатаюсь выхожу, а меня в тычки гонит дубак, здоровенный такой, со шрамом на губах. В камере встретили с радостным гулом, всё рассказал, все – с сочувствием:

– Как это ты смог, молодчага! и т. д..

Но вечером видно получили прогон (они гоняли коней с мультками, но это меня не насторожило), и на следующий день с утра ко мне с претензиями:

– Ты чего это не держал голодовку до конца? Ты подвёл пацанов!

И ещё в том же духе. Я слушал, слушал этот трёп за их воровскую жизнь, а потом грубо остановил потоки этой хрени:

– Заткнитесь! Я это я, и распоряжаться своей судьбой и здоровьем буду сам. Вы мне кто, чтобы я ради вас сдохнул? Не суйте свой нос не свои дела!

Тут они немного утихли, побурчали и каждый занялся своими делами, а я лёг и смотрел безучастно в потолок... Вечером встал и съел ещё небольшой кусочек хлеба и яблоко пожевал. Вкус не появился, да и есть совершенно не хотелось, а слабость не проходила. Во вторник пришла дачка сразу 5-м, слава Богу и мне. Я от общака отделился, но на общие нужды отдал, кроме обычной дани в виде сигарет и чая, ещё и колбасу, но не от щедрот своих или чтобы сгладить осуждение моего поступка, а просто потому, что я знал, что нельзя есть мясное после голодовки столько же дней, сколь-

ко голодал. А вот овощи – самое то после неё, так что я сделал себе салат из огурцов и помидор с майонезом, но чуть-чуть, чтобы организм постепенно начинал работать. На следующее утро с отвращением проглотил 3 ложки положняка (сечки – самое то после голодовки) и больше не смог, аппетит так и не появился, вкус не ощущался и во всём теле чувствовалась слабость. И сон не шёл. А тут ещё со вторника началась дикая жара. Да, если бы я не прекратил голодовку, то просто задохнулся бы в той одиночке.

10-ого июня в обед повезли на суд. Я, честно говоря, думал, что нагонят. Но судья был всё тот же – Балюков, моя проникновенная речь его не то, что нисколько не тронула – он вообще меня не слушал, сидел и что-то там писал. Тогда я прервался и спросил:

– Вам неинтересно, что я говорю?

На это наглое замечание он ничего не ответил и продолжил что-то писать. Ну и естественно, решение было таким же, как и прежде. Что ж, буду снова писать жалобу.

11-ого с утра: «Скобляков, с вещами!» Но раз мне сидеть и сидеть, то я уже взял только матрац и вещи, которые всегда надо сдавать в каптёрку. На привратке меня ожидало столпотворение: набили туда аж 26 человек, пришлось стоять, да ещё по такой жаре, так что я едва там не свалился, пока дождался своего распределения. А в РОВД меня ждала радость – приехала Оля, моя сестричка дорогая, чтобы нанять адвоката. И сообщила о том, что мама хотела покончить жизнь

самоубийством, выпив всё снотворное, что у неё было, но повезло, что Оля как раз пришла её навестить и обнаружила лежащей на полу. Так еле откачали. Ну вот за что она-то наказана?

После окончания свидания меня завели к Назировой, и она с издёвкой сообщила, что Воложанина нагнали – его де показания не расходятся с показаниями его сотрудников! Это что же за следствие такое? Я с ним в сентябре 95-ого разругался как раз из-за того, что он со своей бухгалтершей Ивановой стал присваивать деньги клиентов и, чтобы меня замарать, втихаря записал на моё имя приобретение акций за счёт взносов вкладчиков. Я, как только это обнаружил, тут же это исправил, вернув деньги на счёта клиентов, а он после этого исчез и больше не появлялся на работе. И если при обыске была изъята вся бухгалтерская документация, то Назирова должна же была это обнаружить? Да, как и то, что он приобрёл после этой аферы, для чего достаточно было запросить информацию из БТИ и ГАИ. И его можно было отпустить на свободу, когда он обзавёлся 4-х комнатной квартирой и двумя машинами, а 3 квартиры подарил тёще? Так причём здесь показания его сотрудников? Назирову, вероятнее всего, устроило не расхождение показаний Воложанина и его сотрудников (кстати, при ознакомлении с делом я этих показаний не обнаружил), а то, что он просто всё свалил на меня. Быстро гад трансформировался в акулу! А я тут борюсь с несправедливостью, пишу везде протесты и жалобы,

держал 2-х недельную голодовку в знак протеста! Спросил следователя – почему так? И она так это с издёвкой говорит:

– Но вы же отказались от адвоката, а у него был, вот с ним мы и работали.

Я был просто в шоке от этой новости, у нас же групповая, и нам предстояло сидеть рядом на скамье подсудимых. И вот в таком состоянии меня отвели на свидание с Верой. Я ей говорю с возмущением:

– Воложанина нагнали, а знаешь почему? У него был адвокат, а у меня Кирасиров, которому ты так и не заплатила 500 рублей, сущий мизер! Ты чего кроишь? Или хочешь, чтобы я сидел? Всё забыла и похоронила? Любовь, семью, всё, что я делал? У Воложанина был нормальный адвокат, и поэтому он под подпиской о невыезде, а я сижу из-за твоей жадности. А она в ответ:

– Пусть твоя сестра его нанимает, а у меня денег на тебя нет.

Повернулась и ушла, а поскольку сестра ушла раньше, я понял, что они поскандалили из-за этого уже так, что Ольга с ней не будет иметь никаких дел. Но из Мин-Вод она же не наедится, вот и буду я нести двойное наказание – и от ментов, и от Вериных выкрутасов. Чего она хочет, почему временами ведёт себя так неприязненно?

16 июля. Привезли в РОВД и там меня ожидал адвокат, которого нашла сестра, Стенькин Алексей Иванович, который мне сразу не понравился. Как он собрался защищать ме-

ня, если на самой первой встрече не стал слушать меня и показывал всем своим видом, что моё дело ему не интересно? Мы ещё толком не успели познакомиться, как он засобирался и на ходу бросил, что придёт завтра или в крайнем случае в понедельник в СИЗО. Но обещание выполнил, пришёл, как обещал. На этот раз он не торопился, пробыл около часа, я отдал ему все вопросы и просил главное внимание уделить вопросу изменения меры пресечения, которую мне прошедший неделю тому назад суд оставил без изменения. Но внимал скорее безразлично, чем с интересом.

1996–1997 год

*Всякая истина, о которой умалчивают,
становится ядовитой.*

Ф. Ницше

Чтобы истину понять, её надо выстрадать.
В. Зубков

Камера – № 50, 16 июля – 21 января, 6 месяцев 5 дней

В тот же день, как приходил в тюрьму адвокат, меня после проверки перевели в другую камеру, № 50, в которой я пробыл полгода, по 21 января 1997 года. Камера на 16 человек, но она постоянно переполнена, и было как-то даже 22 сидельца, так что одному пришлось спать на полу (на нижних шконарях обычно спят воры и прочие авторитеты по одному, а если нас больше 16-ти, то вновь прибывшие отправляются на пальму, третьим на каждую секцию сдвоенных шконок). При такой скученности, естественно, в камере процветала антисанитария: вши и тараканы свободно разгуливали по постелям, собираясь в стаи. За вшами я следил и предупреждал всех, но всё же однажды и у себя нашёл вошь – здо-

ровую такую, с прозрачным тельцем с красной прожилкой посередине. А от тараканов, которых уже не брали инсектицидные карандаши, приходилось на ночь затыкать уши. Одному парню ночью в ухо забился таракан, он с диким воем слетел с пальмы и перебудил всю хату. А достать таракана из уха практически невозможно, т. к. у него нет заднего хода, только вперёд, так что взвоешь, когда она начнёт грызть твою барабанную перепонку. Охранники его увели в медпункт, но больше мы его не видели.

В большой камере и движений побольше (однажды как-то сразу трое ушли на волю), и обстановка, как правило, получше, потому что больше половины камеры набита ребятами, которых, в принципе, можно и не сажать, а если уж сажать, то решать в неделю-две с ними вопрос, поскольку это главным образом мелкие воришки, наркоманы и дезертиры. Например, ну зачем было сажать Жору, который работал на путях и развалил штабель б/у шпал, чтобы посмотреть, годятся ли они для ремонта дома, где его тут же и взяли: «А-а-а, негодяй, ты хотел их украсть!». Да-да, «хотел украсть» бэушные шпалы, которые годами гниют в изобилии вдоль путей. Другой мужик вместе с другом по пьяни раздели случайно собутыльника, и вот он сидит из-за того, что суд откладывается 3-ий месяц из-за неявки потерпевшего. Ещё один сидит за то, что при разборе дела в РОВД об обоюдной драке просто грубо отвечал ментам. Ну и т. д... И, естественно, это в основном молодёжь – сажают для того, чтобы прошли

тюремные университеты? А обучение в них жёсткое, преподают тюремные правила бычары, блатные и профессиональные воры. И попавшегося на мелочи парня постоянно одёргивают: то на машку не так сходил, то не так сказал (худой, оказывается, не худой, а дырявый, пробитый, и относится к определению пидораса), и т. д. Матёрые же преступники, когда заходили в камеру, они не к ним, а ко мне начинали цепляться в первую очередь. Я уже научился уходить от вопросов по моей делюге и разговоров о своей личной жизни как с ними, так и со случайными пассажирами, как бывалые называли их. Но если какой-нибудь блатарь начинал цепляться ко мне, то всегда начинал с допроса: где зарыл кубышку? И более всего отравлял мне жизнь в этой хате Щукин по кличке Щукарь, настоящий отморозок, злобный и мстительный подонок, откровенная мразь. Он довольно частенько бахвалится, как учась на повара в ПТУ, при прохождении практики в кафе его любимым занятием было нахаркать в фарш или что-то иное испоганить. А если с кем-то заходит разговор о том, за что его посадили, нагло отвечает:

– А терпила 17 раз на нож падал – встанет, и снова упадёт. Я-то тут при чём?

И чуть-что хвастался, что наибольшее удовлетворение испытывает, когда вонзает нож в тело, это де сильнее наркотика. И мне говорит:

– Я как выйду, разыщу и убью тебя: зарежу, как свинью!
Я ему со смешком:

– Да когда ты выйдешь, мне к тому времени будет больше 70-ти. И ты пойдёшь мочить старика?

– А мне без разницы. Я сказал, я сделаю.

Но в основном Щукарь отравлял мне жизнь по мелочи. Так, однажды ночью я долго не мог заснуть и встал по малой нужде. Как водится, открыл воду, помочился, закрыл машку чопиком, чтобы не воняло, после чего перекрыл воду. Вдруг Щукарь как заорёт заполошным голосом:

– Барыга, пёс лохматый! Коля, посмотри, течёт вода?

Коля, его шестёрка, подрывается, и к машке. Я ему во-прос:

– Чопик поднимал?

Он:

– Нет.

Тогда я встаю и проверяю – чопик на месте, вода не идёт. Но Щукарь всё равно орёт:

– Я слышал, вода текла.

– Это за стеной.

– Нет, ты не закрыл, пёс!

На следующий день после проверки он стал крючковать наркомана Виноградова, а я заступился за него и произнёс слово «просто». Он:

– Просто – это жопа.

– Чья, может твоя?

Тогда он подбежал, схватил меня за горло и двинул головой об шконарь, замахнулся, но не ударил.

– Ладно, я тебя пришью в зоне или на воле.

Потом мы долго препирались, вся хата слушала, но никто не вмешивался. Пришли к тому, что он отпишет стогачам, а я своё – пусть там решат, кто прав, кто виноват. Но вечером он стал готовить прогон, и я подошёл к нему:

– Давай, как договорились – на одной стороне пишешь ты, а на другой я.

– Вали отсюда, я сказал, что пришью тебя, и я это сделаю!

Ну вот только зачем я вмешиваюсь в их разборки? Чёрт бы с ним, этим наркоманом, не живётся мне спокойно. Но тут же возникает в голове другая мысль: а чего добивается само тюремное начальство, культивируя мерзопакостную атмосферу тюремного быта? Покорности или чтобы просто наказывать этим, без суда и следствия? Зачем Щукаря сажать к уголовной мелкоте, чтобы та повышала свою квалификацию? Получается, что так, чтобы у тюремщиков всегда была работа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.